ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 40 (676)

Литературная газета

Понедельник, 26 июля 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. Цена 30 коп.

Пламенный привет сталинским питомцам — т.т. Чкалову, Байдукову и Белякову, возвращающимся на родную советскую землю!

Герой Советского Союза тов. Байдуков

Герой Советского Союза тов. Чкалов

Герой Советского Союза тов. Беляков

Долг советского писателя

«Летние» настроения, присущие многим руководителям писательских организаций, сказываются весьма существенно в работе этих организаций и в этом году. Некоторая часть писателей в летние месяцы обычно уезжает для отдыха или в различные поездки по стране. Из этого факта бездельники делают чрезвычайно широкие выводы: «писатели все в раз'езде, никого нет, работать некому и не с кем». Ссылками на подобные «об'ективные причины» оправдывается недопустимое «затишье» в работе литературных организаций, забвение ими важнейших задач, разрешение которых не может быть отложено.

Такими ссылками незадачливые руководители об'ясняют в частности и то, что до сих пор во всех крупнейших литературных организациях не начата мобилизация писательской общественности в связи с утверждением нового Избирательного закона советского государства. В Москве, Ленинграде, Киеве, Минске не проделана еще первоначальная работа: основная масса писателей не ознакомлена, как следует, с Избирательным законом, писательские кадры не привлечены к глубокому изучению «Положения о выборах в Верховный совет», документа огромного политического и теоретического значения.

Между тем изучение Избирательного закона — только начало работы, которую предстоит проделать организациям писателей. Советские писатели должны во всех деталях изучить Избирательный закон, не только для того, чтобы активно участвовать в выборах, но и для того, чтобы действенно помочь советским и партийным органам в подготовке и проведении выборов в Верховный совет СССР и в советы трудящихся. Предстоящие выборы в Верховный совет СССР, в Верховные советы республик, в краевые и областные советы трудящихся потребуют от писательских организаций больших и ответственных политических мероприятий.

Каждый советский писатель, мастер художественного слова, обязан помочь партийным, советским, комсомольским, профсоюзным органам в их массовой политической работе в связи с выборами.

В своем докладе на IV сессии ЦИК СССР т. А. Я. Яковлев особо подчеркнул необходимость решительной борьбы с недостатками в работе советов.

В период выборной кампании миллионные массы советских избирателей будут сурово критиковать эти недостатки, добиваясь их устранения, роста авторитета местных советов, четкой их работы на основе развертывания социалистической демократии. Писатели — депутаты советов могут и должны сыграть большую роль в деле улучшения работы советов. Между тем контроль за работой депутатов-писателей со стороны литературных организаций почти вовсе отсутствует. Отчет депутата перед избирателями — редчайшее явление в практике литорганизаций.

Избрание в совет многие писатели-депутаты склонны рассматривать лишь как выражение доверия и уважения избирателей. Они не чувствуют своей ответственности за работу совета, членом которого состоят, и не выполняют в нем определенных функций. Писательским организациям надо по-настоящему проверить деятельность писателей-депутатов, добиться их активного участия в борьбе с недостатками работы советов.

Выборы в Верховный совет и советы трудящихся создают огромные возможности для пропаганды идей коммунизма, для дальнейшего вовлечения масс в социалистическое строительство.

Раскрытие на фактах конкретной действительности великого значения Сталинской Конституции и нового Избирательного закона, обеспечивающих расцвет социалистической демократии, показ новых людей, выращенных социалистическим строем, отображение огромных успехов социалистического строительства, опыта лучших отрядов и бойцов за социализм, разоблачение врагов советского народа — все это должен найти советский читатель в книгах, брошюрах, очерках, фельетонах, рассказах, повестях наших писателей.

Советская литература — могучее орудие социалистического воспитания масс — в период выборной кампании, охватывающей почти сто миллионов советских людей, должна быть мобилизована на пропаганду идей партии Ленина—Сталина, на агитацию за лучших людей нашей страны, достойных избрания в органы советской власти; она должна быть мобилизована на борьбу с врагами трудящихся, с троцкистско-бухаринскими наймитами фашизма, со всем контрреволюционным охвостьем разгромленных эксплоататорских классов.

Могучими средствами художественного слова литераторы Советской страны будут в советской печати, в специальных изданиях, на предвыборных собраниях бороться за дальнейшее укрепление социалистического строя.

Но эта борьба должна проходить организованно.

Партийные организации и правления ССП обязаны, в тесном контакте и под руководством партийных и советских органов, уже сейчас разработать необходимые мероприятия и методы участия писателей в выборной кампании. Необходимо привлечь к такому участию самые широкие круги преданных партии и советской власти литераторов: кадры писателей приобретут на этой работе превосходную политическую закалку и опыт, остроту политического зрения, повысят революционную бдительность. Это, в свою очередь, облегчит писательским организациям дальнейшую работу по очищению ССП от чуждых и враждебных элементов, которые еще таятся в наших рядах.

Выборы в Верховный совет СССР, в советы трудящихся приближаются. Нельзя терять ни минуты времени, надо подготовить союз советских писателей к этому огромной важности моменту в политической жизни страны, сплотить ряды писателей, политически организовать их и привлечь к активному участию в движении миллионных масс народа, избирающего свою, подлинно демократическую советскую власть.

За большевистскую самокритику!

В ближайшие дни в Киеве состоится собрание украинских писателей, посвященное обсуждению положения в ССП Украины и вопросам борьбы с авербаховщиной в украинской литературе.

Это собрание созывается партийной организацией и правлением ССП с огромным опозданием. С огромным опозданием пытается руководство ССП Украины мобилизовать писательскую общественность на борьбу с троцкистскими и националистическими последышами в литературе. Несмотря на ряд сигналов центральной и местной печати о засоренности писательских организаций враждебными элементами, несмотря на разоблачение органами диктатуры рабочего класса многих врагов, проникших в литературные организации и печатные органы ССП, правление ССП и партийный комитет до сих пор пытались уклониться от широкого обсуждения важнейших вопросов работы ССПУ. Не помогла и инициатива харьковских писателей, потребовавших от правления развертывания самокритики и борьбы с троцкистско-националистической агентурой. Собрание писателей в столице УССР безобразно оттягивалось.

Причины подобной «политики» становятся сейчас все более ясными. На последнем заседании парткома ССП Украины выяснилось, что бывшие секретари парткома Усенко и Патяк скрывали от парторганизации известные им факты деятельности врагов народа. Как нельзя более ярко раскрывается картина политической слепоты и преступной беспечности многих руководящих работников правления. Редактор украинской «Литературной газеты» и заместитель директора Гослитиздата Тардов «не заметил» шайки врагов, орудовавших у него под носом; с некоторыми из них он был связан «личными отношениями», так же, как и И. Кириленко. В таком же положении оказался и И. Кулик, член президиума союза писателей, бывший руководитель украинского Радиокомитета и Партиздата, о «деятельности» которого не раз писала «Правда».

С легкой руки И. Микитенко в украинских литературных организациях гуляла «теория» о каких-то особых различиях между ВУССП и РАПП, о каких-то особых преимуществах ВУССП, позволяющих утверждать, что ВУССП не был филиалом ВОАПП и РАПП на Украине и, следовательно, не болел болезнями групповщины, не реализовал в своей практике троцкистских лозунгов авербаховщины. Эта вреднейшая «теория», являющаяся по сути дела перепевом аналогичной идейки Скрыпника, смазывала необходимость беспощадной борьбы с пережитками авербаховщины и с ее адептами в украинской литературе. Тот факт, что эта «теория» имела широкое и безнаказанное хождение в литорганизациях до самого последнего времени, лучше всего характеризует склонность правления ССПУ и его руководителей к самокритике, их «бдительность», их «готовность» к борьбе с троцкистско-националистическим охвостьем.

Между тем среди руководящих работников ССПУ есть немало людей, которые были вернейшими проводниками и ярыми последователями авербаховщины, твердокаменными «напостовцами». Многие из них еще «не успели» за последние пять лет раскритиковать своих ошибок, откровенно рассказать о своих связях с ныне разоблаченными врагами народа.

Собрание писателей Киева должно положить начало развертыванию большевистской критики и самокритики в украинских литорганизациях, начал работы по освобождению писательских рядов от всех враждебных социализму элементов. Оно должно вскрыть полностью и до конца недостатки и провалы в работе ССП Украины для того, чтобы найти способы устранения их и поднятия работы писательских организаций на высшую ступень.

Украинские писатели — могучий отряд всесоюзной советской литературы; сплоченные вокруг партии Ленина — Сталина, отдающие все свои силы на дело дальнейшего роста великой социалистической культуры нашей страны, они, несомненно, сумеют покончить с недостатками работы своей писательской организации и сделать ее крепким и авторитетным руководящим центром литературного движения социалистической Украины.

С двух фронтов

Беседа с тов. В. Ставским

24 июля вернулся в Москву член советской делегации на Втором конгрессе международной ассоциации писателей т. В. Ставский.

В беседе с сотрудником «Литературной газеты» т. В. П. Ставский поделился своими впечатлениями о двух антифашистских фронтах, тесно сомкнувшихся в Испании в дни Международного писательского конгресса, —о фронте передовой мысли и художественного слова и о фронте героической Республиканской Испании.

Каков моральный эффект конгресса, оправдал ли он те надежды, которые возлагали на него трудящиеся всего мира?

— На этот вопрос, — говорит т. В Ставский, — нужно дать безусловно положительный ответ. На Втором международном конгрессе писателей с исключительной мощью прозвучал голос народов.

В работах конгресса приняли участие крупнейшие писатели 28 стран. Значительная часть делегаций, можно сказать, прорвалась с боем на конгресс. Им пришлось на своем пути преодолеть многочисленные преграды, включая и препятствия, чинимые правительствами их собственных стран (например, английской делегации).

В этих фактах еще раз нашла свое яркое выражение и подтверждение жизненность самой идеи международного об'единения писателей в защиту культуры против фашизма.

На конгрессе присутствовали многочисленные делегаты стран Южной Америки, впервые принимавшие столь активное участие в работах ассоциации.

Конгресс, как известно, работал в Валенсии, Мадриде, Барселоне и завершил свою работу в Париже, с участием успевших приехать делегатов Дании, Северной Америки и других стран.

Бригады конгресса посетили различные участки республиканского фронта. Эта подвижность конгресса и необходимость при этом прибегать к самым разнообразным средствам передвижения дала делегатам повод для шутки, что это первый в мире автомотомеханизированный передвижной конгресс.

То обстоятельство, что конгресс работал на территории революционной Испании и в самом Мадриде, на передовой линии огня, явилось демонстрацией глубочайшего убеждения передовой интеллигенции всего мира в том, что дело Республиканской Испании — правое дело, дело всего передового человечества, что оно находит живейший отклик в сердцах передовых людей всего мира и что Республиканская Испания безусловно победит.

Делегаты конгресса словом и делом засвидетельствовали свою глубочайшую уверенность в победе Республиканской Испании.

Горячее дыхание фронта принесли на конгресс члены международной ассоциации писателей, являющиеся сейчас бойцами республиканской армии Испании. Среди них — Людвиг Ренн, Ганс Мархвица, едва оправившийся от тяжелых ранений героический комиссар Интернациональной бригады Густав Реглер и многие испанские писатели.

Совершенно естественно, что делегаты конгресса пожелали сами непосредственно окунуться в боевую обстановку фронта, по-товарищески встретиться и поговорить с бойцами революционной армии на передовых позициях. Разделившись на группы, они посетили героических бойцов предместья Мадрида — Карабанчель-Бахо, позиции на Гвадалахаре и другие боевые участки фронта.

Я выезжал на фронт с группой делегатов конгресса в составе Вс. Вишневского, Ильи Эренбурга и одного испанского писателя. Нам посчастливилось побывать в Брунете, Вильянуэва, Де ла Каньяда и около Кихорна на следующий день после начала наступления республиканской армии на фронте Мадрида и захвата первых двух из названных пунктов.

Мы были свидетелями и очевидцами сокрушительного удара, нанесенного доблестными республиканскими войсками фашистским полчищам. Мы были очевидцами и свидетелями замечательного воодушевления бойцов революционной армии, отражавших яростные контратаки фашистов после взятия Брунете.

Обо всем этом хочется рассказать более подробно, чем это можно сделать в беглой беседе. Я намерен написать в ближайшее время обо всем виденном и пережитом мною на фронте и в тылу республиканской Испании.

Еще до начала конгресса я посетил боевую линию реки Мансарес, Каса дель Кампо, Эль Пардос; спускался в окопы и траншеи, окружающие Университетский городок.

Здесь, стоя рядом с наблюдателем в окопах, находящихся в сотне метров от фашистов, я увидел окопную стенную газету с портретом товарища Сталина. Об этом нельзя вспомнить без чувства глубочайшего волнения.

Мне приходилось также останавливаться во многих деревнях Каталонии и провинции Кастельон и говорить с крестьянами. Во время этих бесед почти физически ощущаешь гнев и ненависть, питаемые народом Испании к фашистам, его неистребимое стремление к победе и строительству новой жизни.

Эти волнующие впечатления, с другой стороны, дополняются неизгладимым воспоминанием о картинах воздушных бомбардировок, пережитых нами в Валенсии и Мадриде. Рев моторов бандитских самолетов, бой снарядов, грохот разрывов, плач детей.

Тупое, бессмысленно-жестокое разрушение городов и истребление беззащитных людей, женщин и детей — вот одно из проявлений фашизма. Эти картины незабываемы. Они вонзаются в сердце и память и напоминают о себе, как кровавый счет, по которому фашизм должен расплатиться, он полностью заплатит по этому счету.

Советская делегация на Втором конгрессе международной ассоциации писателей получила большое удовлетворение, убедившись, как растут во всем мире кадры защитников культуры и борьбы с фашизмом. Конгресс послужил значительному расширению интернациональных связей советских писателей.

Сейчас, после конгресса, предстоит огромная работа по укреплению этих связей. Передовая роль советского писателя в деле защиты культуры и мира требует знаний иностранных языков для усиления личного контакта с товарищами писателями различных стран мира.

Ответственность, лежащая на советских писателях, велика. В области интернациональной пропаганды и об'единения лучших писателей всего мира для борьбы с фашизмом и для помощи Испанской республике предстоит сделать гораздо больше, чем сделано до сих пор. Необходимо внести в это дело больше организованности, и пример этой организованности должны показать советские писатели.

Ближайшая задача — реализовать решения Второго конгресса международной ассоциации писателей, довести эти решения до широчайших масс.

В ЧЕСТЬ ГЕРОЕВ

К возвращению в Москву из их блестящего перелета в США товарищей Чкалова, Байдукова и Белякова Государственное издательство изобразительных искусств (ИЗОГИЗ) вчера выпустило большой художественный плакат «Большевистский привет мужественным летчикам, воспитанникам партии Ленина—Сталина».

Вверху плаката во всю его ширину изображен легендарный краснокрылый самолет «АНТ-25». В центре — большой рисунок «Герой Советского Союза тов. Чкалов излагает план беспосадочного перелета Москва—Северный полюс — Соединенные Штаты Америки». В обсуждении этого плана 25 мая с. г. участвовали товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Ежов, герои Советского Союза тт. Байдуков и Леваневский. С большой художественной выразительностью запечатлено это историческое заседание. Отлично выполнены для плаката и портреты отважного экипажа «АНТ-25».

На плакате даны также текст поздравления мужественным советским летчикам товарищей Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Калинина, Жданова, Ежова, Микояна, Андреева; ответная телеграмма тт. Чкалова, Байдукова и Белякова из Портланда, сообщение Правительственной Комиссии по организации перелета, большая статья В. П. Чкалова «История нашего полета». На отрезке карты красочно обозначен маршрут перелета из Москвы в Портланд.

Рисунки к плакату сделаны худ. П. Васильевым, оформлял худ. Н. Капустин. Плакат издан тиражом в 10 тыс. экземпляров.

Вчера же в издании ИЗОГИЗ'а вышли из печати художественные портреты Валерия Чкалова, Георгия Байдукова и Александра Белякова — работы худ. П. Бенделя. Тираж каждого портрета 50 тыс. экземпляров.

А. БАРТО

Веселое мужество

По телефону из Парижа

Сегодня Париж тепло простился с тремя Героями Советского Союза — летчиками Чкаловым, Беляковым и Байдуковым, выехавшими на родину.

В течение нескольких дней к ним было приковано внимание всего Парижа. Это началось еще до их приезда. На вокзале их ждала шумная пестрая толпа, сквозь которую мы с большим трудом пробились к вагону летчиков. Когда из дверей его появились три стройные мужественные фигуры, вся толпа ринулась к ним. Цветы, приветственные возгласы, восхищенные взгляды — для нас все это было, пожалуй, менее красноречиво, чем поднятые в знак салюта руки носильщиков. Поставив свои чемоданы, они приветствовали прибывших из Америки советских товарищей.

В одном поезде с советскими летчиками ехала знаменитая кинозвезда Марлен Дитрих. Повидимому, она думала, что вся эта толпа ждет ее, что все цветы предназначены ей. Она ошиблась. Быть может впервые на нее не обращали внимания. У нее был такой растерянный вид, когда она садилась в автомобиль, что нельзя было смотреть на нее без улыбки.

★

На следующий день состоялась последняя товарищеская встреча делегатов Международного конгресса писателей. Неожиданно среди присутствующих появились летчики. Их немедленно окружили. Каждый старался приветствовать их, выразить свое восхищение их подвигом.

Делегаты были очень довольны таким завершением конгресса. Некоторые очень жалели, что у них нет с собою фотоаппаратов — им хотелось бы всегда видеть эти три героические фигуры.

Летчики весело отвечали на приветствия, шутили, смеялись. Их уверенное спокойствие, достоинство, с которым они себя держат, — просто поразительны. При взгляде на них сразу чувствуется, что это советские люди.

Есть какой-то особый стиль веселости, свойственный только гражданам Страны Советов.

Надо сказать, — нашим героям требуется немало терпения и большая неутомимость, чтобы вынести все тернии славы. Им задают такие, например, вопросы:

— А вам там не холодно было, наверху?

— Нет, мы привыкли.

— Скажите, вы совсем лишены чувства волнения?

— Нет, не совсем...

★

Волнующе показательна была встреча героев-летчиков с трудящимися Парижа — в зале «Ваграм» 22 июля. Их буквально засыпали цветами. Эта встреча была организована обществом друзей СССР. Почетным председателем митинга был министр авиации Франции Пьер Кот.

Советских летчиков приветствовал от имени населения Парижа Жан Люрса — генеральный секретарь французской организации «Мир и дружба с Советским Союзом». Он говорил о замечательных успехах советской техники, иллюстрацией которых являются не имеющие себе равных перелеты Чкалова, Белякова, Байдукова и Громова, Юмашева, Данилина.

Эти имена не сходят с уст парижан.

В кинозале Советского павильона на всемирной выставке демонстрируется хроника, посвященная перелету первой героической тройки. Она идет под непрерывные овации публики. Аплодируют каждому кадру.

Около скульптуры, изображающей наших героев, все время толпа. Здесь же выставлена телеграмма советского правительства, поздравляющая летчиков с одержанной ими победой. Эту телеграмму читают вслух, причем чтение все время сопровождается возгласами восхищения.

★

В честь летчиков полпред СССР т. Суриц устроил 23 июля специальный прием.

На приеме присутствовали: министр иностранных дел Франции Ивон Дельбос, министр народного просвещения Жан Зей, министр колоний Мариус Мутэ, бывший министр здравоохранения Силлье, начальник департамента министерства авиации генерал Жоно, известный драматург Ленорман и др. Все это крупнейшие политические деятели Франции.

На приеме был и американский авиационный атташе, который сказал Чкалову:

— Я счастлив, что могу приветствовать вас. Ваше геройство оценит история. Вы соединили две великие страны. Примите мои поздравления и мое восхищение.

Все присутствующие на приеме старались в той или иной форме выразить Героям Советского Союза свои горячие симпатии.

И мы, советские писатели, особенно остро чувствовали здесь, вдали от Москвы, радость и гордость за нашу великую родину, вырастившую этих мужественных спокойных людей.

Когда смотришь на них, невольно кажется, что у самой вырастают крылья за спиной.

Париж, 24 июля.

О международном конгрессе писателей

Вечера антифашистской литературы

Центральный парк культуры и отдыха им. Горького проводит цикл вечеров, посвященных Второму международному конгрессу писателей и антифашистской литературе.

Первый вечер этого цикла состоялся **24 июля**.

С докладом выступил на культбазе т. В. Г. Вдовиченко. Остановившись на значении Второго международного конгресса писателей, состоявшегося в Валенсии, в Мадриде и в Париже, докладчик рассказал также о тех важных международных событиях, которые произошли между первым и вторым конгрессами.

После доклада артист А. Ставрогин прочел речи Михаила Кольцова, Густава Реглера, Андрэ Шамсона, Алексея Толстого, Вс. Вишневского и др., произнесенные ими на Втором международном конгрессе писателей.

1 августа состоится второй вечер о конгрессе.

★

6 августа на культбазе парка устраивается большой вечер, посвященный крупнейшему современному писателю-антифашисту, великому другу Советского Союза **Ромэн Роллану**.

Чудесный коллектив

Сегодня возвращаются на родину овеянные славой всемирного триумфа Герои Советского Союза — Чкалов, Байдуков и Беляков.

Весь народ, гордый победой своих лучших сынов, славных сталинских соколов, мысленно заключает их в свои братские об'ятия.

Для всего культурного мира героические имена Чкалова, Байдукова и Белякова — ослепительный символ великой мощи нашей страны, замечательного под'ема ее культуры и того особенного самочувствия народов, руководимых партией Ленина — Сталина, которое чехословацкая газета «Ранни новины» об'ясняет «советским воспитанием».

В статье, озаглавленной «Чудеса советского воспитания», газета пишет:

— «Советская система воспитания скоро приведет СССР на первое место во всех областях человеческой культуры».

★

Элементы «советского воспитания», точнее говоря — социалистической культуры нового человека, ярко выражены в образах Чкалова, Байдукова и Белякова.

Этот чудесный маленький коллектив, при всем индивидуальном отличии его членов, представляет собой образец слаянности и благородного товарищества. Один другого счастливо дополняет.

Эта великая дружба — источник громадной моральной силы.

В своих замечательных не только по простоте и правдивости, но и по литературному блеску записках, которые Байдуков вел на борту самолета «АНТ-25», следующим образом описывается тревожный момент появления признаков обледенения самолета.

«Мне сразу не понравилось поведение машины — она сильно выпала влево и требовала для равновесия систематической поддержки элеронами. И только после этого я заметил, что мы летим между двумя слоями облачности, которые вот-вот соединятся. Как будто не летим, а падаем в ущелье, заканчивающееся узеньким дном. Высотомер показывает 2.000 метров, — ну, это правильно. А вот температура наружного воздуха — 4°. Это дело куда хуже, чем кажется с первого взгляда. Я беспокойно оглядываюсь назад. Чкалов лежит и курит трубку. Беляков копошится у радиостанции».

Чувствовать плечо товарища, взаимную поддержку — это естественное чувство, рожденное в этом коллективе.

★

В мировой литературе, в описаниях классических образцов дружбы трудно найти такие драгоценные, сверкающие подлинной человечностью, согретые всей теплотой человеческого сердца, проявления товарищеской нежности, какими изобилуют взаимоотношения этих трех людей, соединенных миссией, порученной им гениальным вождем народов товарищем Сталиным.

«Чкалов захотел курить по-настоящему, — читаем мы в том же путевом дневнике Байдукова, — и теперь страшно злится. Я решил его успокоить. Полез в крыло и из своего рюкзака достал трубочный табак под названием «Капитанский». Название подходящее. Наше плавание весьма дальнее. Валерий, набив трубку, сразу же притих, как ребенок, которому дали соску. Я не удержался и тоже сделал несколько затяжек»...

Летая по неизведанному, впервые прокладываемому маршруту, среди величайших, угрожающих ежесекундной гибелью опасностей, Чкалов, Байдуков и Беляков не перестают внимательно, с товарищеской нежностью наблюдать друг за другом, отрываются от дела, чтобы удовлетворить малейшее желание, поддержать в другом душевное равновесие.

Дружба, соединяющая Чкалова, Байдукова и Белякова, основана прежде всего на глубоком взаимном уважении.

Во всей огромной литературе, написанной о славных пионерах воздушной трассы между двумя материками через Северный полюс, нет лучшего литературного портрета Чкалова, чем тот, который написан Байдуковым:

«Чкалов производит впечатление неповоротливого, флегматичного человека, этакого увальня с замедленными рефлексами. Но первое впечатление обманчиво, достаточно увидеть его раз в полете или поговорить с ним, чтобы определить в нем тонкого, наблюдательного и умного собеседника. Валерий — прекрасный товарищ, правда, немного грубоватый, иногда резкий, но под этой «мохнатой» видимостью скрывается доброе, застенчивое сердце. Он всегда спокоен, но изредка в нем просыпается вспыльчивость, — это бывает в тех случаях, когда человек настаивает на чем-нибудь мелком и напрасном. Он не любит мелочности».

В. Чкалов, со свойственной ему лаконичностью, написал о Байдукове: «Я высоко ценю его как летчика и дорожу его дружбой».

С той же лаконичностью и предельным чувством уважения Чкалов отзывается о Белякове. Рассказывая, например, о своем прошлогоднем трансарктическом перелете, Чкалов говорил:

— Мы летели спокойно и уверенно: в штурманской кабине сидел Александр Беляков.

★

Во взаимоотношениях Чкалова, Байдукова и Белякова не только много человеческой теплоты и высокого уважения, но и легкости, подлинного веселья, доброй шутки.

Взять, например, такой торжественный момент. Летчики только что вернулись из Кремля, где они получили от товарища Сталина разрешение на полет через Северный полюс в США.

«Чкалов задумчиво сказал о Сталине: «Он все знает, обо всем заботится».

Байдуков вдруг рассмеялся:

— А ты помнишь, Валя, как ты об'яснял там маршрут нашего полета?

Он подошел к карте и, тыкая в этапные пункты трассы, баском, подражая Чкалову, произнес:

— Туда... туда... туда и сюда.

Чкалов рассердился.

— А как же, — забасил он, — мы так и полетим — туда, туда и сюда».

Чкалов рассердился...

Но ведь, это Чкалов написал о Байдукове:

«Честное слово, что может быть милей, искренней белозубой улыбки Егора»?

★

Для нас дороги эти бытовые мелочи из жизни чудесного летающего коллектива: в них просвечивает тот новый тип культуры и человеческих характеров, которые, по слову пражской газеты, создаются советским воспитанием.

Чкалов, Байдуков и Беляков и в крупном и в малом — новые люди, рожденные великой эпохой сталинских пятилеток.

С. ИППОЛИТОВ.

Песни испанского народного фронта

Музыкальным издательством выпущено несколько песен испанского народного фронта. Две из них: «Стальные колонны» и «Гимн Риего» широко распространены в рядах республиканских войск, сражающихся на испанских фронтах против мятежников и интервентов.

«Стальные колонны» — песня, созданная поэтом Луис де Тапия и композитором Карлос Палакио. Сдержанная, энергичная, напряженно-волевая песня звучит, как фанфарный призыв, зовет ринуться в бой. Слабо соответствует простоте конструкции песни перевод слов — надуманный и чрезвычайно сложный.

«Гимн Риего» — песня столетней давности. В 1820 году испанский народ восстал против короля Фердинанда. Восстание возглавил революционный генерал Риего. Начальник штаба астурийской армии Риего—поэт Эваристо Сан Мигуэль — написал пламенные слова:

На смерть иль победу
Отечество зовет,
Клянемся мы народу
Всегда итти вперед.

Как подходят эти исторические слова к сегодняшней героической борьбе испанского народа!

Музыка композитора Франциска Гуерта проста. Это кажется на первый взгляд несовместимым: гневная героическая клятва бойца — и почти веселая, беззаботная песенка, каких не мало распевают на улицах Испании. Но в том-то и дело: как и самый мотив, дело защиты Испании от врагов народа было всеобщим, популярным, обычным.

Наряду с песнями испанских авторов музыкальное издательство опубликовало несколько песен советских композиторов на темы революционной борьбы в Испании. Только три из них интересны: **«В бой, камарадос»** композитора Хачатурян (на текст Столян), **«В атаку»** С. Фейнберга (слова Луис де Тапия), **«Песня братства»** Зары Левиной (слова Долматовского).

Каждая по-иному, но темпераментно и задушевно, эти песни воспевают героизм испанских рабочих и крестьян. В песнях Хачатуряна есть боевой нерв, мелодия жизненно проста. Психологически углублена, патетична песня Фейнберга. Стихи взяты из боевой газеты 5-го полка «Милисия популяр» (перевод Гатова был опубликован в «Правде»).

«Песня братства» Левиной обладает замечательным свойством: она мгновенно запоминается любым слушателем. Эмоциональная и искренняя мелодия расцвечивает теплый, но несколько примитивный текст Долматовского.

В «Песне испанских детей о Ленине» Салимана-Владимирова на текст испанского революционного поэта Пля и Бельтран напев упрощенно трактует слова. Они хороши по содержанию, но резкие возражения вызывает невнимание редакторов к простым требованиям грамотности, невнимание к русскому языку (а между тем песня, изданная в тираже 25 тысяч экземпляров, обращена к советским школьникам).

Остальные песни менее значительны.

На трафаретные слова Сикорской в песне **«Враг не пройдет»** композитор Кочетов дал суровый напев. Неплохой сам по себе, он, однако, не достигает эмоциональной глубины, хотя бы «Стальных колонн». Очевидно, дело не только во внешней суровости, но и во внутреннем чувстве. Песня небогата им и не превышает требований поверхностно трактуемой «эстрадности».

Две песни на текст Луис де Тапия **«Стальные роты»** (перевод Кирсанова) написаны Черняком и Мокроусовым-Марсининым.

Совсем чужды горячим призывам текста эти штампованные мелодии, являющиеся перепевом эйслеровских песен. Неужели Музгиз не сумел привлечь внимания крупных композиторов к словам поэта, горящим лютою ненавистью к врагам испанского народа!

И еще один вопрос к Музгизу: почему так скучно, бедно и серо оформлены почти все песни, за исключением «Стальных колонн»?

Музгиз не привлек хороших советских художников к оформлению песен о борьбе республиканской Испании.

Г. ПОЛЯНОВСКИЙ.

Испанская республиканская учительница Гомец Амилия — портрет работы Ф. А. Модорова (Выставка московских художников).

Второй международный конгресс писателей

Ж. САДУЛЬ

КОНГРЕСС В ИСПАНИИ

Беседа с Л. Муссинаком

В день приезда в Париж членов конгресса писателей я встретился с Леоном Муссинаком, принимавшим в работе конгресса наиболее активное участие.

— Международный конгресс ассоциации писателей в защиту культуры, — сказал Муссинак, — должен был в этом году состояться в Мадриде. Так было решено на пленуме ассоциации в Лондоне — за два месяца до начала гражданской войны в Испании. Фашистский мятеж не изменил решения бюро ассоциации. В тот самый момент, когда газеты Франко в Париже с торжеством возвещали о взятии Мадрида фашистскими войсками, на стенах парижских домов расклеивалось воззвание ассоциации в защиту республиканской Испании, подтверждавшее, что конгресс состоится в ее столице.

Этот конгресс приобрел символическое значение. Факт нашего присутствия в Мадриде подчеркнул солидарность всех стран с республиканской Испанией, находящейся на передовых позициях ожесточенной борьбы — физической и духовной — против разрушителей культуры человечества. В дни начавшегося развернутого наступления правительственных войск на мадридском фронте между писателями и всей республиканской армией, защищающей культуру с оружием в руках, установился тесный и непрерывный контакт.

Национальный характер испанской культуры бросается в глаза. Конгресс имел возможность следить за той большой культурной работой, которая в самый разгар гражданской войны проводится в армии и во всей стране.

В Мадриде, в его разрушенных предместьях, под постоянной угрозой бомбардировки функционируют школы. Это об'ясняется рвением студентов, отдавших себя в распоряжение республики.

В каждом, даже самом маленьком батальоне издается газета, редактируемая самими солдатами. Мы видели многочисленные стенные газеты, грузовики, развозящие литературу, библиотеки, присутствовали на лекциях, беседовали с комиссарами армии по просвещению и т. п.

Культурная работа неразрывно связана с вооруженной борьбой. В разгар войны идет ускоренным темпом ликвидация неграмотности, — она была позором Испании. Выставки, музеи, всевозможные издания, вся работа, проводимая соединенными усилиями антифашистской интеллигенции, обеспечивают дальнейшее культурное развитие. Так творится дело, значение которого неизмеримо велико.

Муссинак показывает мне роскошно изданный альбом — сборник политических карикатур, затем антологию газет фронтовых бригад; сборник великолепных «романсов» гражданской войны — продолжение романсеро[1] героической эпохи; прекрасный журнал, издаваемый мадридским Домом культуры, где рассказы о гражданской войне чередуются с чудесными высокохудожественными рисунками. Все это было задумано и напечатано в Мадриде, под ежедневным обстрелом гитлеровских аэропланов.

— Контакт между конгрессом и фронтом, — продолжает Муссинак, — выразился и в том, что мы общались с бригадами — французскими, немецкими, польскими, итальянскими и батальонами — имени Тельмана, Андре Марти, Домбровского, Гарибальди. Они приходили приветствовать нас. Нам показывали фронтовые трофеи. Во время первого заседания в Мадриде мы видели в зале конгресса знамена мятежников, взятые в Брунете, и рядом со знаменами — куртку полковника армии Франко; при нас из карманов этой куртки извлекли дамские часы, браслеты, брелоки, брошки — всю военную добычу этого «защитника порядка»!..

Открытие конгресса состоялось 4 июля в Валенсии, во дворце Аиунтамиенто. Валенсия, этот перенаселенный, живущий лихорадочной жизнью город, вечно находится под угрозой бомбардировки с суши и с моря. Часть фасада дворца, где происходили заседания конгресса, была несколько недель назад снесена бомбами. Чтобы попасть в зал заседаний, нам приходилось подниматься по наполовину разрушенной лестнице...

При переезде из Валенсии в Мадрид мы остановились в городке Мингранилла, где нас принял алькад. Мы были потрясены видом этого городка, населенного лишь женщинами, стариками, детьми... Все мужчины на фронте. И все же здесь, как и везде в Испании, прекрасно возделаны поля, принесшие великолепный, вдвое больший, чем в прошлом году, урожай.

В Мадриде главный штаб обороны принял нас в «Аудиториуме» — бывшем помещении студенческой ассоциации. Невозможно рассказать в нескольких словах о волнующих заседаниях под грохот пушек и пулеметов.

В первую ночь после нашего прибытия над столицей было сброшено 600 зажигательных бомб. По пустынным улицам разносились ужасающие крики женщин и детей, прятавшихся в погребах.

Что мне сказать еще? Мы вернулись в Валенсию, где продолжали наши заседания, затем выехали в Барселону. Там состоялся грандиозный митинг.

Мы убеждены, что нам удастся нарушить заговор молчания, созданный вокруг нас известной частью мировой прессы, и конгресс получит мировой резонанс.

(«Юманите»).

[1] Романсеро — сборник испанских романсов и песен (прим. переводчика).

Жюльен БЕНДА

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНТА

Несколько лет назад я опубликовал работу, в которой писал о предательстве клерков, т. е. работников умственного труда. Предательство многих из людей этой категории (типичными представителями их являются Баррес и д'Аннунцио) выразилось в том, что они не поняли, в чем настоящие интеллектуальные ценности, и подрядились служить скоропреходящим интересам, интересам буржуазного класса, интересам национализма; одним словом, занялись политикой в самом низком значении этого слова.

Теперь, после выхода в свет моей работы, каждый раз, когда я принимаю участие в каком-нибудь значительном событии общественной жизни (события 6 февраля, итало-абиссинская война), мои «собратия» по перу, из вышеупомянутой категории, говорят мне, что я — худший из предателей, коль скоро я, после того, что написал, также занялся политикой... Здесь допускается грубая двусмысленность, и те, кто ею оперирует, отнюдь не введены в заблуждение. Это заставляет меня сомневаться в их доброй воле.

Я говорю, что интеллигент выполнит свое настоящее призвание тогда, когда он покинет башню из слоновой кости, чтобы защищать от варваров право и справедливость. Спиноза ничуть не изменил миссии великого ученого, когда вышел из своей кельи, где создавал «Этику», и, рискуя жизнью, написал на дверях убийц братьев де Витт[1] «ultimi barbarorum»[2].

Наш великий писатель Эмиль Золя также не изменил званию интеллигента, когда он бросил в лицо хищникам свое знаменитое письмо «Я обвиняю».

Мы продолжаем традицию наших великих предшественников, защищая подлинные интеллектуальные ценности, выполняя наш долг перед республиканской Испанией, на долю которой ныне выпала трагическая честь защищать от нападения фашизма дело справедливости и свободы.

Из речи на конгрессе.

[1] Ян де Витт — нидерландский государственный деятель XVII в., вождь республиканской партии. Братья де Витт защищали Спинозу от нападок голландских синодов, вынесших ряд постановлений о запрещении изданного Спинозой атеистического трактата.

[2] «Ultimi barbarorum» — крайняя степень варварства.

Андре МАЛЬРО

ИСПАНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Бергамин в своей превосходной речи сказал два дня тому назад: «Испания одинока». Это верно; правительство Испании находится сегодня в трагическом одиночестве. От него отвернулись те самые государства, которые за несколько месяцев до начала фашистского мятежа предлагали испанскому правительству дать им обязательство, что оно будет покупать оружие только у них. Но они отказали в нем республиканскому правительству, как только взялись за оружие фашистские псы. Так поступили правительства, но не народы, и о них я буду говорить.

В Монреале, во французской Канаде — одной из самых бедных стран, вернее, в одной из самых бедных областей, — очень напоминающей Испанию, мы нашли там ту же нищету и ту же смелость, — я выступал с призывом помочь республиканской Испании... В Соединенных Штатах нам везде давали чеки и доллары. В Канаде обычно для сбора пожертвований пускают в ход поднос.

И вот я вижу на подносе несколько долларов, много мелких монет и часы, старинные часы 1860 года.

Я спросил у товарища, собиравшего пожертвования, откуда взялись эти часы.

— Старик рабочий положил их, — ответил он, — он не хотел давать мелочь.

Я спросил: «Что он, член профсоюза, какое-нибудь официальное лицо, политик?»

Оказалось, что нет. Мне захотелось увидеть этого человека; я вышел вместе с ним и мы поговорили.

— Почему вы отдали ваши часы? Я знаю, что вы бедны. Вы наш?

— Я ничего не понимаю в политике, но что касается Испании, я понял теперь одну вещь. Я понял: есть люди, поднявшие мятеж для того, чтобы такие, как я, бедняки всего мира, продолжали оставаться униженными, и есть люди, которые борются за уничтожение права презирать человека. Это такая простая вещь — самое важное в моей жизни. Вот почему я положил на поднос единственную ценность, которая у меня была и которой я дорожил.

Из речи на конгрессе.

Ю. ОЛЕША

Крылатый человек

В «Правде» мы прочли очерк под названием «Наш полет в Америку». Этот очерк описывает первый перелет из Москвы в Соединенные Штаты через Северный полюс и принадлежит он перу одного из участников перелета — Героя Советского Союза Г. Байдукова.

Это нечто вроде дневника. Но какие дни в нем записаны! Мы все читали Жюль Верна, Уэлса. В той или иной степени этим писателям удавалось достигать убедительности в изображении фантастических событий. Мы видели подробности. Мы видели мистера Кэвора, внезапно вышедшего из подчинения закону тяжести и плавающего в воздухе среди приборов и чемоданов внутри несущегося к луне сферического снаряда. Все это были воображаемые события. Они происходили не на самом деле. Но и то — как волновали они нас!

На этот раз перед нами не вымысел, не роман. Перед нами — дневник фантастического путешественника, существующего на самом деле.

«Лампочка, укрепленная на передней части моторного капота, окутывает тусклым светом стекло, а заодно и винт. Поэтому впереди, в туманной каше, виднеется какой-то огромный спектр в виде сияния, и мы его никогда не догоним».

Огромный спектр!

Я не могу вспомнить, читал ли я за последние годы какое-нибудь произведение с большим интересом, чем этот очерк Байдукова.

Прежде всего: это превосходно написано.

«Тушу лампочку. Веселящее сияние сгинуло, а на лобовом стекле передней кабины появилась, как в зеркале, вся задняя часть самолета. Оглядываясь назад, я вижу сонную картину. И Чкалов и Беляков спят, освещенные многими лампочками».

Только внимание художника могло остановиться на такой подробности — что ламп было много. Эта подробность доводит картину до полной наглядности. Закрыв глаза, мы видим проносящуюся во мраке освещенную кабину, в которой спят люди. Как страшно! Ведь это ночь в воздухе над океаном.

Мы знали, что Байдуков — это один из выдающихся пилотов страны, человек огромного личного мужества, выдержки, выносливости, сообразительности, решимости и самоотверженности. Теперь мы можем сказать, что кроме всех этих качеств Байдуков обладает еще и литературным талантом.

«Дыхание стало ровным, пульс вошел в норму, и я уснул, забыв все на свете. А в это время Чкалову портил настроение появившийся справа циклон».

Циклоны у Байдукова необычайно выразительны. Когда была опубликована одна из радиограмм экипажа, где было сказано о **мощной облачности,** которую встретил по пути экипаж, уже хотелось этот термин прочесть **художественно.** Глазам представились неизмеримой высоты синие колонны, трубы, вдоль которых, распростершись, скользит самолет.

«Эти циклоны в Арктике, вопреки всем теориям, бродят в большом количестве, развевая над собой высокие перистые облака. Они бродят, как призраки, по огромному, воздушному океану».

Будем помнить: сравнения приходили в голову Байдукова в то время, когда он летел **сидя за штурвалом.** Радостно за поэзию! Значит, не малое она имеет значение для человека, если она остается в его сознании даже в такие опасные, всепоглощающие минуты. Что говорит по этому поводу Байдуков?

«Человек этим (поэзией. — **Ю. О.**) занимается, чуть миновав опасность. Раньше же он занят по горло борьбой, стараясь перехитрить природу».

Три дня они были заняты по горло борьбой и стараниями перехитрить природу.

Мы не воспринимали полет в его непрерывности. Иногда нам представлялся кусок пути. Как бы отдельный прыжок. Мы следили за полетом по этапам. По географическим названиям. Море Баренца. Сиэттль. Скалистые горы. Остров Шарлотты. Ванкувер. Отдельные прыжки, — но ведь самолет летел непрерывно. Это непрерывное нахождение в кабине в течение трех дней. Постараемся представить себе это явственно. С того момента, как они вошли в кабину на аэродроме близ Москвы, они оставались в ней до тех пор, пока не оказались в Америке. Как длительны эти три дня были для них и как для нас, следивших за полетом, этот срок был именно фантастически коротким! Три дня! Разве когда-либо такой срок соединялся в нашем сознании с Америкой? Или с полюсом? Полюс — это месяцы, годы, зимы Седова, Нансена, Амундсена!

Мы переживали, главным образом, то, что — как, мол, скоро! А Байдуков после десяти часов полета говорит: кажется, что летим уже месяц.

Благодаря дневнику Байдукова понимаешь, что героизм — это, кроме всего, работа, труд. Восемь часов вахты! Мы узнаем, что у Белякова от усталости посинели губы, что Чкалов как-то вдруг осунулся, постарел. Узнаем также, что они не ели в воздухе. И как хотелось курить! И когда Чкалов закуривает трубку, нам делается необычайно приятно. Это три живых человека, три наших товарища.

«Полюс! Сколько мечтаний, сколько страданий и жертв! И вот 1937 год открыл миру глаза. Советский народ и его вождь, товарищ Сталин, дал задание экспедиции: сесть на полюсе, высадить людей и сказать — что же там такое?»

Почти детское оживление охватывает бесстрашного пилота перед приближением полюса.

«Присев рядом с Сашей, я все допытывался, когда же будет полюс».

Эта чудесная сцена. Она говорит нам, что подвиг совершили не только три героя, но и три друга.

А сам полюс, оказывается, не производит впечатления. Всегда мы видели гигантскую ледяную скалу, сверкающую во мраке, — полюс! Гигантская ледяная скала с окаменевшим в ней черным остовом корабля. Так работало воображение, пока люди не взлетели... А когда взлетели —

«...я даже пожалел будить уснувшего товарища».

Печальная романтика полюса окончилась. Советская авиация победила его неприступность. Ведь и он — только природа, которую можно «перехитрить». И когда Байдуков говорит, что ради полюса он не стал будить спящего товарища, в этих словах масса гордости. И эта гордость вполне оправдана, потому что это гордость победителя. В конце концов, в эту минуту полюс был в руках у семерки советских людей. Вероятно, они все друзья. Трое летели, четверо слушали рокот самолета внизу, на самом полюсе.

У дневника Байдукова есть один недостаток: он слишком короток! Интерес не ослабевает. Все интересно! Все волнует! Все замечательно написано!

«Небо почти не отличается от нашего московского, и я вскоре нахожу Полярную, а затем Арктур».

О хорошем вкусе свидетельствует эта интонация — «я вскоре нахожу Полярную, а затем Арктур».

Или, например, такой отрывок:

«В проливах сплошной лед, отслаивающий разноцветными красками. Он сделан словно из цветной мозаики, и только его природные размеры превосходят все, что может сделать строительное искусство человека».

Каждый из нас восхищен перелетом Чкалова, Белякова и Байдукова. Теперь, после появления очерка Байдукова, можно сказать, что перелет этот имеет также и литературное значение: он дал замечательную книгу.

Такова емкость одаренности социалистического человека.

Л. НИКУЛИН

«Сон на Волге»

«...Кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге с песнями...».
А. Н. Островский «Гроза».

В первом часу ночи в окошко автомобиля влетел продолжительный, низкий басовый гудок. У пристани гудел теплоход. Он гудел особым, **волжским** басом. Волжане за десять километров угадывают этот гудок. И вот теперь, в июльскую ночь 1937 года, в подмосковном городе Дмитрове звучал волжский бас парохода.

Город Дмитров уже спал. Автомобиль, не уменьшая хода, повернул дважды на пустынных улицах. Мы очутились у пристани. Справа и слева по берегу протянулся новый, незнакомый бульвар. Начальник строительства канала Волга—Москва однажды сказал начальнику Центрального участка:

— Успеем за сутки насадить бульвар и подарить городу Дмитрову.

— Трудновато.

Однако деревья посадили, и они принялись. Так Москва-Волгастрой подарил городу Дмитрову бульвар.

Автомобиль деликатно обогнул цветочную клумбу и остановился у пловучей пристани. Мы не узнавали этого места. В марте месяце этого года здесь лежал талый снег. Развороченная стройкой земля, кочки, бугры, щебень. Все это исчезло вместе с прошлогодним снегом. Светящаяся, как фонарик, пристань и рядом — стройный белый корпус теплохода.

Три удара в колокол. Теплоход двигается в ночь. Впереди, как драгоценные камни, горят зеленые и алые огни.

В черной воде канала дрожат и извиваются рубиновые и изумрудные змеи. Равномерно убегает назад ровная береговая линия. В ночное небо летит песня.

— Это ж наша Клава! — восклицает молодой и звонкий голос.

— А вы кто? — спрашивают из темноты.

— Завод номер тридцать.

Человек в военной форме рассказывает о том, что здесь, на этом месте паслись коровы. Именно в этом месте, т. е. под дном теплохода, они паслись десять и двадцать, сто лет назад. Но хор восклицаний обрывает этот назидательный и правдивый рассказ.

В темноте возникают две рвущиеся в высь монументальные колонны. Эти две колонны только пьедестал легендарных кораблей прошлого. На высоких колоннах летят в ночи каравеллы Колумба. Латунная медь их парусов и флагов отражает огни теплохода и бледный отблеск зари.

Продолжается феерический спектакль этой июльской ночи. Вот движется нам навстречу огненная дуга, и, точно под триумфальной аркой, теплоход проходит под иллюминованной дугой моста. И входит в гостеприимно открытую камеру шлюза.

В ослепляющем свете прожектора перебегают по палубе девушки. Они непременно хотят видеть, как закрываются ворота шлюза, и в то же время надо увидеть пышный, белый бурун, вскипевший впереди теплохода у самых сегментных ворот.

Бурлящая вода поднимает теплоход к звездам. Палуба уже на уровне рамы шлюза. Пассажиры на борту и матросы на берегу глядят друг другу в глаза.

Вокруг кипит ночная жизнь. По шоссе бегут автомобили. Ночной поезд, играя огнями, пролетает высоко в воздухе по мосту, переброшенному над каналом.

Трудовая ночная жизнь на берегу. Молодежь встречает утро. На палубе девушки еще раз хотят увидеть, как раздвинутся прямые линии канала, и вдруг ляжет вокруг широкое зеркальное озеро.

Вскипает вода в камере шлюза, это идет ко дну сегментный щит. И вот внушительный голос в радиорупоре с оттенком гордости произносит:

— Выход из камеры шлюза свободен.

И в голосе человека чувствуется гордость и радость. Смысл этих слов такой:

— Река Волга! Выход в Москву свободен.

И. ЛУППОЛ

Музей А. М. Горького

По постановлению правительства СССР в Москве при Институте литературы им. А. М. Горького организуется музей А. М. Горького. Как кратко сказано в постановлении, музей Горького создается «для ознакомления трудящихся с его жизнью и творчеством».

Велика роль музеев в освоении массами культурного наследства. В отличие от книжного текста, музейная экспозиция непосредственно вызывает наглядные представления; в отличие от словесного материала речи, музейные предметы «говорят» сами за себя, не нуждаясь в посреднике; в отличие от театра, подлинно исторические материалы музея лишены какой бы то ни было бутафории. Во всем этом кроются причины чрезвычайной «доходчивости» музеев до сознания посетителей, необычайной популярности наших музеев и невиданной колоссальной посещаемости их.

Однако советские музеи — и будущий музей А. М. Горького в том числе — отнюдь не могут быть простыми собраниями, любительскими коллекциями вещей. Музей, конечно, показывает вещи, предметы, но в этих вещах и через них музеи должны «показывать» идеи, должны вызывать у посетителя определенный строй идей. Музейные вещи мертвы, но на своем языке они должны рассказывать посетителю об определенных общественных отношениях, об определенном историческом движении. В этом — трудность организации музеев.

Перед этими трудностями стоит и музей А. М. Горького. Его основными средствами являются: произведения Алексея Максимовича в рукописном (манускрипты—автографы, письма) и печатном (книга, журнал, газета) виде, портреты (живописные, фотографические и т. п.), документы (биографические, жандармские и цензурные дела), вещественные реликвии, художественно-изобразительный материал (картины, иллюстрации к произведениям), и, как необходимое дополнение, тексты и этикетаж. С помощью этих материалов нужно рассказать посетителю об **отношениях** Горького к окружающей его действительности, показать **движение** и развитие его творчества, т. е. передать то, что само не является вещью, доступной осязанию, нужно исторически раскрыть **жизнь** А. М. Горького и вскрыть содержание и значение его **творчества.** Чтобы все это было рассказано на специфическом музейном языке, необходима очень большая предварительная научно-исследовательская и музейно-собирательская работа. Красочная биография Алексея Максимовича нашими горьковедами еще далеко не изучена, богатейшее содержание его литературного творчества нашими литературоведами еще как следует не проанализировано; между тем музей ждать не может и в установленный правительством срок должен открыть свои двери трудящимся Советского Союза.

Концепция музея А. М. Горького ясна. Ее дал ЦК партии в своем траурном сообщении о смерти Алексея Максимовича. Она полностью развита в речи т. В. М. Молотова на траурном митинге на Красной площади. «После Ленина, — говорит т. Молотов, — смерть Горького — самая тяжелая утрата для нашей страны и для человечества». «Рабочие и все трудящиеся видят в Горьком **себя, своего** человека, **свою** жизнь-судьбу, **свое** будущее». Лаконичные и вместе с тем предельно четкие формулировки речи т. Молотова дают окраску экспозиции музея:

«Горький — великий сын великого народа».

«Горький — беззаветный друг трудящихся и вдохновитель борьбы за коммунизм».

«Горький — гениальный художник слова».

«Горький создал бессмертные образы людей своего времени».

Горький «является подлинным родоначальником пролетарской социалистической литературы в нашей стране и в глазах трудящихся всего мира».

Эти установки должны пронизать всю экспозицию музея Горького, размещаемую в одиннадцати залах особняка на ул. Воровского.

В первых восьми залах размещаются экспонаты, характеризующие жизненно-творческий путь Алексея Максимовича. Историческая и историко-революционная, биографическая, литературно-творческая нити сливаются в единую экспозиционную линию, отрезками которой являются отдельные темы.

Первая тема — детство А. М. Горького. Виды Н.-Новгорода и Сормова 70-х годов прошлого века, каширинский дом, в котором протекли детские годы Алеши Пешкова, Слободско-Кунавинское приходское училище, где он «вкусил» от плодов науки, магазин обуви Пархунова, где он был «мальчиком на побегушках», и другие подобные экспонаты должны напомнить о поистине горьком детстве Алексея Максимовича.

Особый шкаф познакомит посетителя с теми книгами, по которым Горький обучался грамоте и которые он читал в детстве. Эта «библиотека» замечательна по своему составу: здесь и псалтырь, и часослов, здесь и лубочные «Францыль Венециан» и «Битва русских с кабардинцами», здесь и авантюрный «Рокамболь», и «приключенческие» Э. Габорио и Г. Эмар, и наряду с ними — Бальзак, Флобер, Стендаль, великий Пушкин.

Первый зал охватывает период исканий Горького до 1899—1900 гг. Казань 1884—1888 гг. уже полна противоречий: казанский университет, куда мечтал поступить А. Пешков; «Марусовка», куда попал будущий М. Горький; Федосеев — руководитель революционного кружка в Казани, которого знали тогда и В. И. Ленин и А. М. Горький, не знакомые еще в то время друг другу. Отзывы их о Федосееве как бы сближают впервые гениального вождя и великого писателя.

Далее идет тема о работе Горького на железной дороге — на ст. Добринка, в Борисоглебске, на ст. Крутой. В Н.-Новгороде в 1889 г. Алексей Максимович получил первое «полицейское крещение» — жандармское дело должно рассказать об этом первом аресте Горького. Соответственно обработанная географическая карта расскажет о скитаниях Пешкова по России до 1891 года. Тифлис, Н.-Новгород, Самара и опять Нижний — «Макар Чудра», годы газетной работы Иегудиила Хламиды, А. П. и Максима Горького. «Самарская газета», «Нижегородский листок», «Одесские новости» с корреспонденциями о всероссийской промышленной выставке — таков не только подневольный жизненно необходимый труд, но и путь врастания Горького в большую литературу.

Под портретом Горького того времени напрашивается для этих лет текст 1895 года: «Безумству храбрых поем мы славу! Безумство храбрых— вот мудрость жизни. О, смелый сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни. И много смелых сердец зажгутся безумной жаждой свободы, света!».

1897 год характеризуется сопоставлением того, что писали в то время В. И. Ленин и А. М. Горький. Ленин в «Задачах русских социал-демократов» констатировал: «Пробуждение русского рабочего класса, его стихийное стремление к знанию, к об'единению, к социализму, к борьбе против своих эксплоататоров и угнетателей проявляется с каждым днем все ярче и шире». Как бы подхватывая эти слова, Горький написал в «Коновалове»: «Они все только строят, вечно трудятся, их пот и кровь— цемент всех сооружений на земле; но они ничего не получают за это, отдавая все свои силы вечному стремлению сооружать, стремлению, которое создает на земле чудеса, но все-таки не дает людям крова и слишком мало дает им хлеба».

Еще не будучи лично знакомы, В. И. Ленин и А. М. Горький «встретились» на страницах № 10—11 «Нового слова», где первый опубликовал статью «По поводу одной газетной заметки», а второй напечатал рассказ «Бывшие люди».

Второй зал охватывает период 1901—1904 гг. Начало его совпадает с началом больших политических демонстраций, в которых Горький был и участником, и «об'ектом» — следует вспомнить демонстрации в связи с третьим арестом Горького в 1901 г.

Далее следуют темы: Горький в Крыму в 1901—1902 гг., его знакомство с Л. Толстым и дружба с А. П. Чеховым, «академический инцидент» 1902 г., ссылка в Арзамас, сближение с социал-демократией, литературная работа, первая литературная слава, успех «Мещан» и «На дне». Руководящим текстом этого зала являются слова Горького из «Песни о буревестнике» 1901 года: «Буря! Скоро грянет буря! Это смелый буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы: пусть сильнее грянет буря!».

Буря, действительно, грянула! 3-й зал открывается экспонатами первой революции 1905 года. Первая тема— «9 января», далее следует новый арест Горького, заточение его в Петропавловской крепости и его работа там — «Дети солнца», дальше: «Ленин и Горький в 1905 году», в частности, «Новая жизнь» 1905 г., Горький и декабрьское восстание в Москве, от'езд Горького в Америку, борьба Горького против французского займа царскому правительству по поручению ЦК партии, пребывание и работа Горького в Америке, приезд на Капри. В особые темы оформляются: «Горький на Лондонском партийном с'езде» и «Горький на Капри».

4-й зал охватывает такие значительные темы, как «Горький во время империалистической войны» (здесь, в частности, показывается его работа над первыми сборниками пролетарской литературы, над сборниками национальных литератур, знакомство с В. Маяковским, «Летопись», защита еврейских беженцев и т. п.), «Горький в февральскую революцию» и «Октябрьская социалистическая революция и Горький».

Следующий раздел, охватывающий период 1921 — 1928 гг., посвящен главным образом литературной работе Горького и его переписке с советскими корреспондентами. Период 1928—1933 гг. — время регулярных приездов Горького в СССР — характеризуется двумя основными темами: «Поездки Горького по СССР»— путешествуя по тем местам, какие некогда исходил пешком, он нашел совершенно иную, качественно новую, социалистическую родину,—и «Юбилей Горького в 1932 году», когда вся страна единодушно приветствовала своего любимого великого писателя.

Начиная с этого зала, экспозиция дается в крупных, монументальных формах. Так, в центре следующего— 6-го зала — показан всесоюзный с'езд писателей, проходивший под непосредственным руководством Горького, с этой темой координируются темы, характеризующие работу Горького с молодыми писателями, работу по пропаганде и развитию советских национальных литератур, участие в строительстве советской детской литературы, а также ряд литературных и культурных начинаний Горького. Особо выделяется, само собой разумеется, «История гражданской войны», предпринятая по инициативе товарища Сталина и А. М. Горького.

Небольшой 7-й зал посвящен теме о, если так можно выразиться, интимном Горьком. Однако «интимность» эта вся проникнута общественно-политическими мотивами. Точнее, может быть, следует назвать этот зал: «В гостях у Горького». Кто же эти гости? И вожди народа — руководители партии, и рядовые рабочие и крестьяне, и великий друг Советского Союза — Ромэн Роллан, и маленькие друзья Горького — советские дети, и писатели из братских национальных республик, и стахановцы из родного Н.-Новгорода. Горький вышел из народа и теснейшим образом был с ним связан — это можно показать на групповых фотографиях «гостей» Горького, на бесчисленных письмах его самым разнообразным адресатам — учителям, писателям, ученым, детям, правонарушителям и т. д. и т. п.

8-й зал охватывает два последних года жизни А. М. Горького — 1935 и 1936; здесь две центральных темы: «Горький и буржуазно-капиталистический Запад» — борьба Горького против фашизма, руководство международным антифашистским движением революционных и радикальных писателей мира, и «Горький и социалистическая родина» — гимн, в последние дни жизни слагаемый Горьким Сталинской Конституции. Известно, что уже больной Горький, увидев в газете опубликованный текст проекта Конституции сказал: «Сегодня и камни поют».

Следующий за этим 9-й зал — зал траура и народной скорби по почившем великом писателе и друге всех трудящихся. Экспозиция этого зала не должна быть ни пышной, ни нарочито печальной. Скупыми, подлинно документальными средствами должны вызываться в посетителе те эмоции, которые владели всем советским народом в памятные июльские дни 1936 года.

Заключительный зал должен показать, что, хотя Горького физически нет уже с нами, но творчество его живет в умах и сердцах трудящихся и действенно зовет к овладению культурным наследством, к развитию литературы социалистического реализма, к строительству социализма, к будущему коммунистическому обществу. Коротко, это — зал показа творческой художественной мысли Алексея Максимовича. Ведущим текстом являются слова Горького из его статьи «Десять лет», написанной им в 1927 году в связи с десятилетием советской власти: «Всю мою жизнь я видел настоящими героями только людей, которые любят и умеют работать, людей, которые ставят себе целью освобождение всех сил человека для творчества, для украшения нашей земли, для организации на ней форм жизни, достойных человека».

В этом заключительном зале — три больших темы: 1) Ленин и Сталин, партия и рабочий класс в творческой жизни А. М. Горького; 2) Горький о культуре, науке, искусстве и литературе (так же, как и наука, искусство литература о Горьком); 3) творческая лаборатория Горького.

Задача создания музея А. М. Горького трудна, ответственность велика, сроки до крайности малы, помощь в работе требуется огромная. Со стороны руководящих органов коллектив работников музея чувствует повседневную заботливость и поддержку, союз советских писателей проявляет к музею большое внимание и оказывает значительную помощь, отдельные товарищи приносят в дар музею ценнейшие экспонаты... К сожалению, этого нельзя сказать о ряде научных и музейных учреждений.

Казалось бы ясно, что постановление правительства об организации музея Горького обязывает эти учреждения к передаче в музей уникальных экспонатов, без которых Центральный горьковский музей просто не может быть открыт. Это относится, например, к таким историческим портретам Горького, как репинский или серовский; это относится ко всем экспонатам горьковских выставок 1928 и 1932 гг., перешедшим в свое время в Литературный музей.

Однако нужно думать, что при поддержке всей советской общественности музей А. М. Горького преодолеет сопротивление некоторых учреждений и сосредоточит в своих залах и фондах весь необходимый исторический, литературный и художественно-ценный материал. Постановление правительства должно быть выполнено, оно будет выполнено, и Советский Союз обогатится еще одним музеем, достойным памяти великого писателя Алексея Максимовича Горького.

Выставка в ЦПКиО, посвященная Сталинской Конституции. — Щит с высказываниями крупнейших писателей Запада о нашей стране, о Сталинской Конституции.

Выставка, посвященная Сталинской Конституции

В ЦПКиО им. А. М. Горького

Музей народов СССР открыл 24 июля в Центральном парке культуры и отдыха им. А. М. Горького большую выставку, посвященную Сталинской Конституции.

В просторном вестибюле выставки — гигантское панно работы художника С. Соколова: «Сталин делает доклад о Конституции Чрезвычайному VIII с'езду советов».

Над входом в красиво декорированный зал выставки — государственный герб СССР и огромный алый стяг. На нем написано золотом:

«Да здравствует Сталинская Конституция — Конституция победившего социализма и подлинного демократизма!»

В двухсветном зале стоит величественная скульптура Сталина работы заслуженного деятеля искусств С. Меркурова.

По стенам, на мраморных досках— цитаты из великой Сталинской Конституции, новые гербы союзных республик, художественно-выполненные фигуры в национальных костюмах народов Советского Союза.

Здесь, в этом зале, отображены великая дружба народов Советского Союза, культурные и хозяйственные достижения Страны Советов.

В разделе выставки, посвященном строительству социалистического государства рабочих и крестьян, собраны десятки исторических документов, текстов, фотографий, живописных полотен.

Вот знаменитая «Декларация прав народов России», подписанная 2 ноября 1917 г. В. И. Лениным; брошюра «Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», изданная в 1918 году. На ее обложке — синий штамп: «Прочти, товарищ, и дай тому, кто не читал!»

Рядом, на большом стэнде, собраны сотни газет нашего Союза — от «Правды» и «Известий» до «Тихоокеанской звезды» и «Бакинского рабочего».

На страницах этих газет миллионы наших читателей обсуждали новую Конституцию СССР.

Экспонаты этого раздела характеризуют этапы развития советской конституции, этапы роста нашей великой страны, показывают огромную роль в победоносном строительстве социализма вождей народов СССР — товарищей Ленина и Сталина.

Специальный раздел выставки дает яркую картину экономической мощи СССР, нашей индустрии, сельского хозяйства, транспорта.

Величайшие в истории науки и техники победы СССР — завоевание Северного полюса и перелеты Москва —Америка — также нашли здесь свое отражение.

На двухметровом стеклянном вращающемся глобусе красной чертой проложены трассы исторических сталинских маршрутов. Здесь же портреты героев двух исторических перелетов — тт. Чкалова, Байдукова, Белякова, Громова, Юмашева, Данилина, портреты славных завоевателей Северного полюса.

На хорах, окружающих выставочный зал, размещены экспонаты, иллюстрирующие отдельные статьи Сталинской Конституции, Положения о выборах в Верховный Совет СССР, вновь разработанные схемы по избирательной системе СССР; схема избирательных округов в Совет Союза и Совет национальностей, схема избирательных комиссий по выборам, схема «Как москвичи будут избирать своих депутатов» по Сталинской Конституции.

На выставке будут собраны лучшие образцы народного творчества— вышивки, изделия из кости и дерева, работы палешан, ковры и т. д., а также стихи национальных поэтов, посвященные Советскому Союзу и его великому вождю — товарищу Сталину.

В центральном зале выставки «Сталинская Конституция» висит щит с высказываниями крупнейших писателей Запада о нашей стране, о Сталинской Конституции.

Над щитом — как заголовок — гордые слова Маяковского:

«Читайте,
Завидуйте,
Я—гражданин Советского Союза»...

Среди высказываний писателей мира — замечательное утверждение Ромэн Роллана:

«Эта Конституция покажет всему миру, что СССР окончательно победил косные силы, оставшиеся от старого строя. Это установление настоящей демократии, которая может существовать только в бесклассовом обществе: это проведение в жизнь великих лозунгов, до сих пор являвшихся только мечтой человечества,— свободы, равенства и братства».

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ КНИГА

Музей народов СССР недавно выпустил в своей типографии отдельным изданием текст «Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик».

Книга роскошно оформлена. Формат ее — 50 × 70 см. Тираж — **70** нумерованных экземпляров.

Несколько экземпляров этого замечательного издания экспонируется на выставке материалов по Сталинской Конституции в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького.

Музей народов СССР посылает «Конституцию (Основной Закон) СССР» в подарок правительствам союзных и автономных республик.

Экземпляры книги переданы Музеем народов СССР — ЦИК СССР и Совету национальностей ЦИК СССР.

Накануне юбилея Шота Руставели

Редакция библиотеки Жургазоб'единения **«Жизнь замечательных людей»** выпускает популярную биографию автора поэмы «Витязь в тигровой шкуре» и анализ этого бессмертного произведения грузинской классики.

Книга будет снабжена большим количеством иллюстраций, начиная от старинных грузинских миниатюр XII века и кончая иллюстрациями современных грузинских художников, к юбилейному изданию поэмы, выходящему на грузинском языке в Тбилиси.

★

На азербайджанский язык переводят поэму Руставели поэты **Самед Вургун, Сулейман Рустам** и **Мамед Рагим.** Работа над переводом должна быть закончена к началу сентября, чтобы книга, в оформлении художника **И. Ахундова**, была выпущена к ноябрю этого года.

★

Азербайджан отмечает юбилей Руставели устройством **специальной выставки.** Для организации и художественного оформления выставки выделена бригада художников.

★

Тбилисский научно-исследовательский институт им. Руставели приобрел **рукопись словаря к поэме Шота Руставели,** составленного покойным профессором М. Джанашвили.

Словарь заключает в себе до 7.000 слов и фраз из поэмы «Витязь в тигровой шкуре» с пояснениями точного их смысла.

★

На территории, где некогда был древний город Дманиси — крупнейший центр средневековой Грузии — ведутся археологические раскопки.

Удалось найти много ценных исторических памятников: предметы домашнего обихода, грузинские и арабские надписи на камнях.

Находки будут представлены на выставке, открывающейся к юбилейным дням в Тбилиси.

ПО СТРАНИЦАМ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛОВ

«Костер» №№ 1—5 за 1937 год

В № 5 «Костра» нет даже намека на такое историческое событие, как завоевание Северного полюса большевиками. № 6 журнала еще не вышел. Таким образом читатель «Костра» на весьма длительный срок отодвинут от эпопеи, на которую успел уже откликнуться весь мир.

Между тем при известной поворотливости можно было бы избежать такого провала. Это доказал другой ежемесячный журнал для детей **«Пионер».** Он в майском номере сумел дать не только информацию о полете на Северный полюс, но и поместить портреты участников экспедиции и статьи М. Водопьянова и коменданта аэродрома полярной авиации т. Погосова. А в № 6 «Пионера», кстати, давно уже вышедшем в свет, читатель может ознакомиться с текстами телеграмм, которыми обменялись редакция «Пионера» и зимовщики дрейфующей станции «Северный полюс».

Этот факт в значительной мере характеризует всю систему работы редакции «Костра». Чрезмерное спокойствие, медлительность, отсутствие организаторского «нерва» сказываются не только в запоздалых откликах на важнейшие события, но и в «жанровой» и тематической ограниченности журнала. Мы думаем, не случайно то обстоятельство, что преобладающее место в журнале «Костер» занимают статьи и очерки.

Художественный отдел труднее организовать, он требует больших усилий, и редакция предпочитает итти по линии наименьшего сопротивления.

Вполне понятно, что при такой установке за бортом остаются важнейшие темы и проблемы нашей современности, к которым «Костер» не сумел привлечь внимание своих авторов. Достаточно указать, что в детском журнале совершенно отсутствует рассказ о школе. Нет ни одного художественного произведения о современной Красной армии (гражданской войне посвящен лишь очерк Успенского о Ворошилове «Три боевых эпизода»). Обойдены Дальний Восток, комсомол. Антифашистская тематика представлена всего двумя очерками Л. Варшавского (в № 1 и в № 3), в которых он рассказывает о борьбе испанского народа, его героях, интернациональной бригаде. Но дальше газетного репортажа эти очерки не идут.

Говоря о недостатках журнала, мы не можем не отметить его удивительное равнодушие к истории русского народа и других народов СССР. В рецензируемых номерах нет ни одного рассказа, ни одной статьи об историческом прошлом России, ее героических фигурах, о поворотных событиях в жизни народа, о его борьбе против многочисленных иноземных врагов и т. д.

Неужели редакция «Костра» не понимает, как много помогает изучение прошлого в воспитании патриотических чувств молодежи, в расширении ее кругозора?

Но что уж говорить о прошлом, когда журнал не в состоянии показать и важнейших событий современной действительности. Не странно ли, что «Костер» ни словом не обмолвился о февральском пленуме ЦК ВКП(б), об историческом докладе товарища Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Журнал не рассказал читателю о гнусных уловках врагов народа, спевшихся с иностранными разведками и подло предающих интересы социализма. Это — серьезнейшие политические провалы журнала.

Не странно ли также, что «Костер» не рассказал читателям о канале Москва — Волга? Несколько строк в «Очерках о родине» М. Ильина — вот все, что сумел сказать журнал за полгода об одном из самых удивительных достижений социалистической страны!

Не говорит ли все это об отсутствии системы в работе журнала, о ставке на самотек, наконец, об отрыве людей, возглавляющих редакцию, от нашей действительности?

Мы убеждены, что именно этими особенностями редакции и можно об'яснить появление на страницах журнала повести Яна Ларри «Необычайные приключения Карика и Вали».

«Фантастика» Ларри весьма дешевого свойства. Она идет не от художественного воображения и научных познаний, которых, очевидно, у автора нет, а от равнения на плохие литературные образцы. Получается этакое «мироприключенческое» произведение облегченного типа.

Иного качества рассказы С. Безбородова — «Степан Андреич — «Медвежья смерть» и И. Мильчика — «На речке Шайтанке» (оба в № 1).

Несмотря на несложные, казалось бы, сюжеты, читатель не остается равнодушным. В первом случае он взволнован глубокой человечностью отношений в нашей стране, которые Безбородов сумел показать в истории о колхознике-охотнике, получившем тяжелые увечья и спасенном, вопреки сомнениям его скептических земляков, самолетом, специально высланным в глушь из Ленинграда.

Рассказ написан сочно, с хорошим знанием быта, без навязчивой морали. Некоторые сцены сделаны превосходно, в особенности сцена ожидания и встречи самолета в колхозе.

Рассказ Мильчика возвращает нас к страшным дням дореволюционной России. С большой убедительностью Мильчик показывает жуткий быт глухого волжского городка, бесправие и нищету русских и татарских рабочих, безрадостное детство, картины гнусного глумления полицейщины над бедным людом.

Эти рассказы, пожалуй, лучшее из того немногого, что помещено в художественном отделе журнала. По силе впечатления с ними конкурирует только отрывок из повести датского писателя Кнута Беккера «Кай пойман» (№ 5). Беккер провел свое детство в «воспитательном» заведении, предназначенном для детей бедных родителей. В своей повести Беккер дает исчерпывающие представления о том, что представляли (и представляют собою и сейчас) воспитательные методы буржуазии.

Нельзя без гнева и ужаса читать страницы, в которых описывается дикая расправа директора Монрада с 9-летним Каем, не выдержавшим каторжного режима заведения и бежавшим вместе с товарищем. Какую ненависть к капитализму пробудят эти страницы в сердце советского ребенка, не имеющего представления о таких нравах, воспитывающегося в атмосфере любви, всеобщего внимания ко всем его нуждам!

Наиболее полно представлен в «Костре», как мы уже отметили, отдел очерков и научных статей. Несомненной заслугой редакции является привлечение к работе в этом отделе видных партийных и научных работников, крупных писателей, выдающихся специалистов. С интересом будут прочитаны всеми воспоминания о том «Как Ленин спасался от сыщиков Керенского» (№ 1) и о знаменитом первомайском выступлении рабочих бывш. Обуховского завода в 1901 году (№ 5), очерк Героя Советского Союза Слепнева о парижской авиационной выставке, профессора Визе — о буйковой почте и т. д.

Особое место занимают в журнале «Очерки о родине» М. Ильина и С. Безбородова «Товарищ Серго» (рассказы о Г. К. Орджоникидзе).

В своих очерках Ильин ставит себе задачей раз'яснить детям сущность Сталинской Конституции. Делает он это со свойственной данному писателю добросовестностью и умением облекать цифры в плоть и кровь живых фактов. Ильин собрал огромный материал, прекрасно им использованный для того, чтобы оттенить резкий контраст между нашим настоящим и прошлым, между социалистическим укладом и зарубежной действительностью. Он дает своему читателю яркое представление о буржуазном «патриотизме», буржуазной морали, демократии, умело привлекая в качестве свидетелей крупнейших представителей буржуазной мысли.

Конкретизируя положения Конституции о праве на труд, отдых, образование и т. д. Ильин извлекает из архивов страшный документ, который лучше многих книг показывает, какова была цена человеку в старой России. Речь идет о своеобразном «прейскуранте», вывешенном около 40 лет назад на Обуховском заводе. Таблица эта предусматривала размеры возмещения за то или иное повреждение на производстве. Так, за повреждение черепа, вызывающее душевное расстройство и т. д., предусмотрено было вознаграждение в размере ста рублей, за сотрясение мозга («в зависимости от последствий»)— 85—60 рублей, за потерю зрения на оба глаза — 100 рублей, на один глаз — 35 рублей, за потерю слуха— 50 рублей, за глухоту на одно ухо — 10 рублей и т. д.

С неменьшим интересом будут прочитаны и очерки Безбородова об Орджоникидзе (№ 3—4). Очерки эти охватывают различные периоды замечательной деятельности Серго, начиная от первых дней его участия в революционном движении и кончая эпохой гражданской войны на Кавказе.

Будет очень жаль, если автор не продолжит своей работы об Орджоникидзе, не сделает попытки охватить и дальнейшую многостороннюю деятельность этого пламенного большевика, верного соратника Ленина и Сталина.

Из других сотрудников «Костра» обращает на себя внимание Л. Успенский. Это, безусловно, весьма одаренный журналист, с хорошей хваткой, остроумный, находчивый, умеющий по-своему поставить взятую тему. С одинаковым интересом читаются его статьи о происхождении имен, об открытии хеттской письменности и очерк о гибели французского парохода «Филиппар».

Общий вывод: журнал «Костер» еще не имеет своего лица, еще не обрел своего языка. В журнале попадаются интересные материалы, но они часто производят впечатление возникших самотеком, случайно, они не сцементированы единством воли и вкусов людей, делающих журнал.

Что особенно тревожит,—это очень узкое поле зрения редакции, ее неумение отразить нашу жизнь в ее основных проявлениях. Трудно сказать, отчего это: от политической ограниченности или от неповоротливости?

Но факт остается фактом. Об этом красноречивее всего свидетельствует художественный отдел журнала, сильно отстающий от всех остальных его отделов.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

Ив. АНИСИМОВ

«Завоевание мира»

Обе книги весьма характерны для Люк Дюртена. Характерны даже заглавия. Излюбленный дюртеновский заголовок «Завоевание мира», который было вполне целесообразно использовать для тома избранных сочинений на русском языке, равно как и название последней книги Дюртена, несколько экстравагантное: «Земной шар подмышкой», — перекликаются. В них подчеркнуто обстоятельство, крайне существенное для Дюртена. Этот писатель с заметельным упорством осуществляет намерение, проявленное уже в самом начале его творчества, — дать чрезвычайно широкую панораму современного мира, отображающую не только Европу, но и другие континенты, в частности Америку.

Знакомство с биографией Дюртена показывает, что путешествия играют в жизни этого человека очень важную роль. Он исколесил весь мир не как любознательный турист, а как созидатель литературного произведения [1], не имеющего прецедентов опирающегося на огромный материал и спаянного одной основной мыслью. Мысль эта получает наиболее законченное выражение как раз в последней книге Дюртена «Земной шар подмышкой», показывающей, что за последние годы Дюртену пришлось особенно задуматься над своей идеей и многие ценности переоценить.

Дюртен всегда был гуманистом. И свое основное художественное произведение он предпринял с той целью, чтобы показать, как на разных уголках нашей планеты создается единая человеческая цивилизация. Он был опьянен мыслью о единстве всех усилий человечества, о великом благе так называемого прогресса. Настолько опьянен был этот искренний и честный писатель, что долгое время не замечал, что мечта его весьма далека от действительности. Он был во власти иллюзий абстрактного гуманизма.

Дюртен и иллюзии. Надо знать Дюртена, чтобы представить себе всю парадоксальность этого сопоставления. Дюртен — необычайно проницательный и правдивый изобразитель жизни. Ему ненавистен всякий туман, он жаждет ясности. Читая Дюртена, всегда видишь действие смелого скальпеля, вскрывающего внешние покровы, чтобы обнажить самую сердцевину. Проза Дюртена меньше всего сентиментальна и розовата, это проза жестокая.

Достаточно прочесть «Сообщников» — рассказ, которым открывается книга избранных сочинений на русском языке, чтобы представить себе всю трезвость необычайно точного и жестокого дюртеновского письма. Писатель сознательно вырабатывал эту «хирургическую» манеру; врач по профессии, он стремился перенести в литературу некоторые весьма полезные навыки научного исследования. Они сослужили ему хорошую службу, когда он с невозмутимой беспощадностью обнажал отталкивающее безобразие капиталистического мира. В этом сила книг Дюртена: огромная географическая панорама «Завоевание мира» представляет ценнейший документ «социальной истории» нашего времени.

В обращении к «Советским товарищам», которым открывается русский перевод «Завоевания мира», Люк Дюртен дает простое и ясное определение характера своего творчества: «Рост человека—это показывает моя книга— ужасающе ограничен, сдавлен тройным гнетом: капитала, расовых предрассудков и религии. Не удивляйся поэтому, что здесь изображаются поражение человека и безрадостность его существования».

«Советский товарищ, ты имеешь счастье жить в стране, которая одержала победу над этим злом, для тебя оно уже в прошлом.

Настанет день, когда бессмысленная социальная система, которая привела к крушению старой культуры, станет прошлым для всех народов на земле.

...Я посетил сорок стран, путешествовал в обоих полушариях, и я могу сказать: солнце новых времен сияет у вас, над шестой частью мира...».

В этих словах — вся история творчества Люк Дюртена. Исколесив весь земной шар в поисках легендарной «праведной земли», много раз испытав самое безнадежное отчаяние, подвергнув самому внимательному исследованию «теневую сторону нашей планеты», он наконец нашел великую страну, над которой сияет «солнце новых времен».

Как и для всех тех писателей современного Запада, которых можно назвать подлинными гуманистами, для Дюртена Советский Союз является символом света, великой надеждой, воплощением человеческого достоинства. С тех пор как Советская страна заняла надлежащее место в социально-географической панораме, составляемой произведениями Дюртена, произошли весьма существенные перемены в характере творчества художника. Об этом свидетельствуют обе лежащие перед нами книги.

Первая книга Дюртена появилась в 1906 году, это был «Неизбежный этап». Таким образом уже тридцать лет пишет Дюртен свою «книгу человека», и до самого последнего времени он мог лишь с горечью констатировать, что этот человек стоит «пред лицом необъяснимой, тяжелой и пустой жизни».

В книгах Дюртена этому было приведено бесчисленное количество доказательств. Писатель-гуманист, выступавший во имя человека, во имя достоинства и величия человека, должен был показать полную недостижимость своих больших ожиданий. В этом свете надо представить весь путь писателя и ту суровую беспощадность, с какою описывал он безрадостное существование людей, искалеченных капитализмом.

Для того, чтобы представить себе, какой остроты и убедительности достигает критика Дюртена, лучше всего взять превосходные американские рассказы, вошедшие в русское издание «Завоевания мира». Начиная о «Преступлении в Сан-Франциско» (во весь рост показаны здесь отвратительный цинизм, бездушие и пошлость буржуазной «морали») до тяжкой «Ночи Чикаго» (полная бессмысленность и пустота жизни заставляют здесь обитателя комнаты № 1737 отеля Грейстон ни с того ни с сего броситься вниз головой с семнадцатого этажа) тянется череда образов, в которых воплощена одна мысль, представляющая итог всех наблюдений писателя: в капиталистическом мире человек «сдавлен», человеческое достоинство попрано, человеческое счастье невозможно.

Дюртен — превосходный наблюдатель, показанная им Америка столь же реальна и убедительна, как и Америка Синклера Льюиса или Шервуда Андерсона (эти имена естественно приходят на память, когда мы читаем американские рассказы Дюртена). Здесь надо сказать и о том, насколько Дюртен оказался выше многих своих соотечественников, писавших об Америке. Он дал вполне реальную, глубокую и насыщенную картину американской жизни. Эта картина не имеет ничего общего ни с мелкотравчатой, пошловато-мещанской импровизацией Дюамеля на тему: «машинизация погубила Америку, бойтесь техники», ни с той восторженной апологией американизма, какую, в противоположность Дюамелю, давал Андрэ Моруа.

Дюртен оставался в американских рассказах тем же проницательным реалистом, каким он был, описывая все остальные участки земной поверхности. Америка была для него лишь частью капиталистического мира. И он видел, что законы этого мира проявляются здесь подчас с особой наглядностью.

Обратимся теперь к иллюзиям Дюртена, к иллюзиям человека, который никогда не страшился смотреть правде в глаза. Они были подобны миражам, возникающим перед глазами путешественника в мертвой пустыне. Дюртен исходил всегда из мысли, что благо человечества есть высший закон для всякого подлинного художника. Поэтому он и считал себя гуманистом. Но это был чрезвычайно абстрактный гуманизм, оторванный от тех реальных условий, в которых живет современное человечество.

Вот почему каждый раз, когда Дюртен обращался от тех правдивых и неизбежно мрачных картин, в которых изобразил он судьбу современного человечества, к своим гуманистическим идеалам, он всегда отрывался от действительности, вступал в область зыбких миражей и весьма несостоятельных иллюзий.

Лишь после того, как наш неутомимый путешественник и исследователь «открыл» советскую землю, залитую лучами «солнца новых времен», перед ним открылась перспектива подлинного гуманизма.

В последней книге Дюртена «Земной шар подмышкой» противопоставлены два мира. Описывая Бразилию, Аргентину, Индокитай, Северо-восточную Африку, Грецию, Балканы, Испанию, Англию, Голландию, Швецию, Дюртен дает богатую по наблюдениям и интересную по выводам картину капиталистического мира.

Довольно часто встречаемся мы здесь с тем беспощадным реализмом, который отличает лучшие произведения Дюртена. Так в главах, рассказывающих об Индокитае, ярко представлено колониальное рабство и разрушение ценнейших старых культур европейскими колонизаторами, подлинными варварами. В описании острова-каторги Пуло Кондоре дана жуткая картина, которую сам автор озаглавил: «Лицо западного правосудия». Чувствуется, что обо всем этом наш европеец рассказывает, сгорая от стыда.

Однако все это еще не значит, что Дюртен не допустил серьезнейших ошибок в оценке многих явлений капиталистического мира. Он стал жертвой старых химер абстрактного гуманизма.

Дюртен описывает старый мир с тщательной надеждой найти такое место, где человек был бы счастлив. Вся книга наполнена горьким сознанием того, что буржуазная цивилизация и в Европе и на других континентах находится в состоянии упадка и развала.

Дюртен все время говорит о «величии человека», о «будущем человечества» и т. д. Но именно человечности, простора для выявления возможностей человека он не нашел в старом мире, хотя он произвел самые тщательные поиски. Отсюда глубокий пессимизм и даже отчаяние Дюртена. О «нашей несчастной Европе» Дюртен не говорит иначе, как с оттенком безнадежности. С горечью наблюдает наш гуманист крушение цивилизации и то, как буржуазный мир погружается в мрак варварства.

В книге отражены настойчивые попытки автора выйти из тупика путем некоего компромисса, путем явно несостоятельных иллюзий. Дюртен не раз строит воздушные замки. В прямом противоречии с тем, к чему вели его наблюдения, он пытается идеализировать самую обычную капиталистическую действительность, подогнать ее под абстрактную гуманистическую схему.

Здесь проза Дюртена утрачивает сразу весь свой блеск и всю свою убедительность. Она становится блеклой, напыщенной и неубедительной. Это можно сказать о попытке Дюртена представить Бразилию как «одну из стран, которые точнейшим образом предсказывают будущность нашей планеты», как «прибежище нашей цивилизации». К этой ничем необоснованной мысли наш гуманист мог притти только от отчаяния, лишь в глухом тупике могло возникнуть подобное предположение.

Сквозь всю панораму старого мира, данную в книге, проходит гуманистическая фразеология. «Во имя разума» Дюртен призывает «отказаться от господства человека над человеком, от господства одного народа над другим». Но большие слова эти, к сожалению, повисали в воздухе, отрывались от тех картин действительности, которые развертывал художник-реалист.

Книга «Земной шар подмышкой» писалась несколько лет. В ней отражены те заблуждения и ошибки, которые допускал Дюртен, исследуя современный мир. В ней показано и то, как Дюртен нашел наконец, правильный путь.

Завершают книгу главы о Советском Союзе. Они свидетельствуют, что гуманист Дюртен пришел к пониманию того, что будущее человечества, подлинные идеалы гуманизма связаны с нашей великой родиной.

Сопоставляя два мира, Дюртен пишет: «В то время как хаос, в который вовлечены капиталистические государства, не позволяет видеть другого исхода, кроме варварского возвращения к прошлому, здесь возникает новый мир, обращенный к будущему. Он смотрит вперед, как должен делать человек».

«Реконструкцией человечества» называет Дюртен то, что он наблюдал в Советской стране. Эту мысль он иллюстрирует множеством примеров. Он говорит о московском метро: «Метро, каждая станция которого представляет дворец, непохожий на другой: один — опаловый, другой — из великолепного темного гранита, третий — расцвеченный мрамором разных оттенков. Подобное метро нельзя представить себе в условиях капитализма, где речь идет лишь о том, чтобы любым способом выжать из народа деньги. Советское метро предназначено для нового человека. Это — дорога человеческого достоинства».

Он говорит о московской толпе: «Какой контраст с тревожным и мрачным Западом наших дней представляют эти лица, сияющие здоровьем и силой». Дюртен свидетельствует о том, что в Советском Союзе «обеспечен расцвет индивидуальности». В этом он справедливо видит одно из самых ярких проявлений «достоинства революции».

Люк Дюртен был в Советском Союзе прошлым летом. Он посетил Ленинград, Москву, Тифлис, Киев, он побывал во многих колхозах и на многих заводах. Первое, о чем он говорит с подлинным восторгом, это о больших переменах, которые он заметил по сравнению с тем, что он видел восемь лет назад, во время первого приезда в СССР. Огромные успехи социалистического строительства, изменившийся облик наших городов, новый облик колхозной деревни, — все это Люк Дюртен наблюдает с живым интересом. «Повсюду в СССР, во всех городах этой страны, где создается цивилизация, возвеличивающая труд, видишь вдохновенное, стремительное и планомерное движение вперед».

Картина Советского Союза, которую дает Дюртен, богата фактами и интереснейшими деталями, раскрывающими перед западным читателем яркую и увлекательную картину нового мира. Значительность и сила этой картины, нарисованной талантливым французским автором, возрастает от того, что читатель подходит к ней, пробравшись сквозь джунгли капиталистического мира.

С большой и яркой убедительностью Дюртену удалось представить поразительный контраст между двумя мирами. И так как в книге «Земной шар подмышкой» показано, что к признанию Советского Союза воплощением самых высоких идеалов человечества, счастливой страной, где человеку возвращено его достоинство, писатель-гуманист пришел после долгих и упорных поисков, после того, как он обошел весь мир, — сила и неопровержимость утверждений Дюртена особенно наглядны.

Последняя книга Дюртена, — как зеркало отражающая весь путь выдающегося писателя, являющаяся в своем роде итогом тридцатилетних его исканий,—показывает, что наша страна является путеводным огнем для лучших людей всего мира.

Читая эту книгу, мы видим, как от весьма бесплодных иллюзий абстрактного гуманизма честный и искренний писатель приходит к гуманизму подлинному, опирающемуся на величественные достижения социалистического строительства в СССР. Этот подлинный гуманизм сделал Дюртена активным участником антифашистского народного фронта.

Последние книги Люк Дюртена доказывают, что каждый честный, правдивый писатель старого мира неизбежно становится защитником и энтузиастом нового мира, если он додумывает свои мысли до конца.

Люк Дюртен, «Завоевание мира». Перев. с французского, под ред. Б. Песиса, Гослитиздат, 1937 г.
Luc Durtain, «Le globe sous le bras», éd. Flammarion, 1937, 287 стр. Ц. 5 р. Тир. 10.000.

1) В серию «Завоевание мира» входят следующие произведения: «Неизбежный этап», «Пути жизни», «Сто двадцать тысяч», Красный источник», «Мой Кимбепп», «Сороковой этаж», Превзойденный Голливуд», «Каптен О'Кей», «Ягута».

Ал. СУРКОВ

Из словенских поэтов

Голод

(Отон Зупанчич)

Волк — голод.
В зной, в холод
день, два за тобой пробирается тихо.
— Ну, как поживаешь?
— Не встретилось лихо?
На третий день ты больно проколот.
Вдруг спазмами голод живот опояшет
и пляшет, пляшет, пляшет.

Не успеет явиться для требы поп,
как рожденный ребенок ляжет в гроб.
— Не хныкай, Анна! — Ах, Андрей,
зови попа, беги скорей!
— Уж поздно, жена, и жаль грошей.
— Зверь, жадина, горе ты наше!
Волк-голод пляшет, пляшет.

Пропойца отец и сводница мать
готовы и сына и дочку продать.
И сын подрастает подобный папаше.
Волк-голод пляшет, пляшет.

Бредет голодный, бледен, сух.
Глаза — как угли, надломенный дух.
Все вновь и вновь родит их мрак,
В дверь дома стучит сухой кулак.
Кто двери открыл — замкни на ключ,
закрой рояль, сбавь в лампе луч.
В ночи у двери вашей
волк-голод пляшет, пляшет.

Ты видишь зверя глаза в глаза.
Сдавить его петлей, и крепче связать.
Гляди, он насмешливо машет
и пляшет, пляшет...

Рудник

(Антон Селишкар)

Под отлогою горой, в долине разрытой
есть черная падь.
В свете коптилок
искривленные штреки
врезали землю, будто кривые ножи.
Порода, ударам покорясь, дрожит
вся в глубоких ранах.

В разрытой породе, в беспросветных забоях
мелькают неясные тени людей.
Сотни мельканий и сотни ударов;
в ударах сторукий стон сотен душ;
и сотни шахтеров при каждом ударе
бормочут песню:
— за мать,
— за жену,
— за сына,
— за дочь.

При каждом ударе — ночь — день — с тем же
припевом стальной обушок вонзая в породу, поют.

Своды дрожат.

Скоро порода, насытясь потом людей,
что поют:
— за мать,
— за жену,
— за сына,
— за дочь —
заревет, будто раненый зверь в лесу, и захрапит,
из разбитых голов выпивая трепетный мозг.

Как возрастанье...

(Сречко Косовел)

Как возрастанье глухих голосов,
Встало и вырвалось вдруг из глубин.
Как перезвоны колоколов,
Позвало меня из крашских долин.

Шел я меж множеств, в толпе утопая,
Между людей, по тропинкам познанья.
Падал, срывался, шаги направляя
К тихим долинам надежд, ожиданья.

Эти ожиданья и тихи и святы,
Когда их душит тиран капитал,
Сверкают в потемках неправды, утраты.
И ярко горит, как рдяный коралл,
Та кровь на оковах... О, ярость проклятий!
Кровью обрызганный день наш настал!

Сумасшедший Франц

(Миле Клопчич)

Нет погребенья, чтоб он не пристал к музыкантам,
Нет в поселке порогов, что им не обиты,
Нет человека в долине, кто бы ответил,
Сколько в глазах его горечи скрыто.

Чужбина и бойня швырнули Франца домой —
Пусть дома, безумный, сгниет, как трава!
На фронте сгорели рассудок, радость.
(Работал он в Спиттле на шахте «Va»).

Морщины на бледном лице неподвижны,
Ни горе, ни смех не прогонят сквозь них.
Все это знают, и все — как чужие.
К родным он стучится, будто у дверей чужих.

«Был музыкантом я в Эссене, в Спиттле,
Дайте мне динар, хозяева, или уйду.
На всех погребеньях я марши играл,
Дайте мне динар на водку, или уйду.

Потом к нам пришел кровью забрызганный черт,
По черепу бил сразмаха, мучил в бреду.
Где моя флейта и где моя жена?
Дайте мне динар за флейту, или уйду.

Клубка не распутают бог и дьявол.
Вот я без флейты — смотрите, смотрите!
Дайте мне динар, дайте мне флейту,
Чортова чорта из Юденбурга найдите!...»

Он вышел, и двери оставил настеж
И по поселку в долину бежит.
За ним мальчишки, и смех и крик.
У двери открытой чье-то плечо в спазмах плача
дрожит.

Примечание переводчика. Публикуемые стихи Зупанчича, Косовела, Клопчича, Селишкара — часть только что завершенной мною работы над переводами произведений названных поэтов. Словенская поэзия почти неизвестна советскому читателю. Насколько я знаю, до революции только однажды вышла на русском языке книга основоположника словенской литературы — Франца Прешерна, не получившая широкого распространения.

Отон Зупанчич — популярный народный поэт, представитель старшего поколения.

Остальные трое, в том числе юный, сгоревший от туберкулеза Сречко Косовел — талантливая молодежь, неразрывно связанная всем духом своих лирических переживаний с тяжелой, подневольной жизнью словенских рабочих. Книги стихов этих поэтов поразили и привлекли меня силой лирического выражения отчаяния, гнева и надежд рабочего человека, задавленного капитализмом.

Работая над переводами, я старался до малейшего оттенка интонации передать непривычные первые ритмы словенского стиха, все оттенки отчаяния, ненависти и ярости, вложенные в каждое слово, в каждую строку.

Воссоздавая образы шахтеров Крашской долины, кузнецов, гвоздильщиков, матерей без радости, детей без молодости, я как бы вновь погружался в темное прошлое, из которого вывела нас великая Октябрьская социалистическая революция. Если это почувствуют читатели переводов — я буду считать свою задачу выполненной.

А. С.

Иллюстрация **В. Вечеслова** к «Робинзону Крузо» (Выставка художников книги).

Новые биографии замечательных людей

Ближайшие выпуски серии «Жизнь замечательных людей» в издании Жургазобъединения посвящены биографиям виднейших деятелей науки и общественного движения.

На-днях выходят биографии знаменитого французского математика, астронома и физика **Пьера Симон Лапласа** и английского химика **Гемфри Дэви**.

В серии «Жизнь замечательных людей» выйдут также биографии — основателя русского театра **Ф. Волкова** и великого русского трагика **П. С. Мочалова**.

Недавно вышла популярная биография известного норвежского полярного исследователя **Роальда Амундсена**. Книга знакомит читателя с главнейшими открытиями и исследованиями, произведенными знаменитым путешественником в Арктике и Антарктике.

Сказки Зулу

«Народность зулу, более известная нашему читателю под именем зулусов, занимает в настоящий момент юго-восточный угол африканского материка. Численностью около 1.500 тыс. душ, зулу преимущественно живут в Натале (провинция Южноафриканского союза — доминион Англии) и Зулулэнде (английский протекторат) на север до озера Санта Люсия и реки Верхняя Понгола».

Сведения эти сообщает **И. Снегирев** в предисловии к своему переводу **«Сказок зулу», выпущенных на-днях издательством Академии наук СССР.**

Это первый опыт перевода на русский язык произведений литературы африканских народов. Книга представляет исключительный интерес не только для фольклористов. Она увлечет и широкого читателя своеобразием и фантастикой, отражающей, однако, полно и ярко реальную картину разложения родового строя.

Мотивы сказок отличаются многообразием. Здесь мы улавливаем ноты протеста против закабаления женщины в патриархальном обществе, критику действий родовой верхушки — старейшин и вождей, выражение недовольства имущественным неравенством и т. д.

Несмотря на то, что сказки зулу возникли в отдаленном прошлом, когда человек больше, чем во всякую другую эпоху, чувствовал свою зависимость от природы, мы не видим в них того смирения, той пассивности, которые так присущи, например, мифологии доклассового общества. Большинство сказок насыщено духом борьбы, зовет к действию, выражает мечту о преодолении препятствий, мешающих людям стать свободными и счастливыми.

Вступительная статья Снегирева грешит весьма затрудненными оборотами и туманными периодами, но в целом она дает содержательный анализ устного творчества зулу и социальной обстановки, в которой оно зародилось и развивалось.

Советскому читателю будет особенно интересно узнать, что английские капиталисты, несмотря на жестокую политику классового угнетения, не удалось окончательно приостановить развитие зулу. Народ этот выделил кадры своей интеллигенции и создает новые оригинальные формы своей культуры. Влияние народных сказок на современную художественную литературу зулу очень велико и плодотворно. Об этом свидетельствует ряд появившихся в последние годы книг и, в частности, исторический роман зулусского писателя Мофоло — «Чака», построенный в значительной степени на фольклорном материале.

Я. Р.

Артист Симонов в роли Петра I. Кадр из фильма «Петр I» (Сценарий А. Толстого и В. Петрова, режиссер — В. Петров).

— Почему?

— **Почему**, издательство «Художественная литература» (Гослитиздат), выпуская многотомные «собрания сочинений», не всегда принимает на них подписку?

— **Почему** можно было объявить подписку на собрания сочинений Пушкина или Гоголя и нельзя было этого же сделать для собрания сочинений Бальзака, Флобера, Гете и др.?

— Почему читатель, лишенный права предварительной подписки на сочинения этих авторов, должен ловить каждый очередной том, бегая по книжным магазинам?

★

— **Почему** выход отдельных томов «собраний сочинений» совершенно не обусловлен никакими сроками?

Например, в течение 1932—1935 гг. вышло девять томов собрания сочинений Гете. Последним, вышедшим в 1935 г., был том девятый, где помещено начало автобиографии Гете «Из моей жизни. Поэзия и правда», а том десятый, где помещено окончание этой вещи, вышел только в июле 1937 г.

— Почему первый том полного собрания стихотворений Некрасова (изд. «Academia») вышел в 1934 г. (**четвертом!**) году, а второй том в 1937 (**седьмом**)? Причем вышла только первая часть этого тома, предваряемая следующим извещением: «По техническим причинам второй том собрания стихотворений Н. А. Некрасова разделен на две книги. Комментарий помещен в конце второй книги». Секретом издательства остаются эти «технические причины», но отметим, что в первом томе 805 страниц, и стоит он 8 рублей, в половине второго тома 440 страниц, и стоит она, вероятно по техническим причинам, тоже 8 рублей.

★

— **Почему книги** издаются у нас с исключительной медлительностью? Например, десятый том Стендаля (изд-во «Художественная литература») сдан в набор 5 августа 1935 г., а подписан к печати 28 июня 1936 г., то есть в печать книга поступила через десять с половиной месяцев, после чего потребовалось время на брошюровку, переплет, распространение. С момента сдачи книги в производство до выхода ее в свет прошло не менее, если не более года.

★

— **Почему** большинство книг в изд-ве «Academia» находится в производстве в течение семи—десяти месяцев?

— Почему посетители Пушкинской юбилейной выставки, открытой в феврале в Государственном Историческом музее, могут видеть в числе экспонатов четыре тома нового академического издания сочинений Пушкина, а подписчики на оное издание до сих пор получили только два—первый и четвертый?

Книгочий.

Акын Салтыганов Токтогул

Трудящиеся Киргизской ССР отмечают в текущем году **70-летие со дня рождения покойного народного певца Салтыганова Токтогула.**

Акын Токтогул — один из популярнейших певцов и народных композиторов Киргизии. Его жизнь и все его творчество связаны неразрывными узами с судьбой киргизского народа.

В ярких, волнующих песнях Токтогула отражено тяжелое положение киргизской бедноты при царском правительстве, народную ненависть к царским сатрапам — русским чиновникам и киргизским феодалам — манапам.

Токтогул был не только певцом, но и бойцом-революционером. Он активно участвовал в национально-освободительном движении 1898 года, за что царское правительство заключило его в тюрьму.

Великую социалистическую революцию, раскрепостившую киргизских трудящихся и принесшую им счастье и свободную жизнь, Токтогул приветствовал радостными песнями.

Слава о Токтогуле широко разошлась по всему Киргизстану. Его песни поют и в городах и в деревнях, и взрослые и дети.

Современные поэты Киргизстана учатся у него поэтическому мастерству.

Президиум Центрального Исполнительного Комитета Киргизской ССР вынес специальное постановление об ознаменовании 70-летия Салтыганова Токтогула и увековечении его памяти.

Союзу советских писателей Киргизии и Киргизскому государственному издательству предложено собрать и систематизировать все произведения акына и издать на киргизском языке сборник избранных песен Токтогула.

Оборотная сторона медали

Ни в одном литературно-художественном журнале так много не говорят о хорошо поставленной работе с начинающими писателями, как в журнале «Октябрь». Для молодых авторов организована литконсультация. В самом журнале даже организован специальный отдел молодых.

Все это очень хорошо, и у журнала есть несомненные достижения в работе с молодыми писателями, но, к сожалению, в редакции мало говорят, а, может быть, и мало знают о недостатках работы консультации «Октября». Между тем, здесь имеется, как говорится, и оборотная сторона медали.

Н. Асеев, ведающий в журнале отделом поэзии, случайно натолкнулся на стихи неизвестного автора. Стихи эти, по выражению т. Асеева, «просто замечательны». Однако литконсультация журнала забраковала их. Там подошли к этому вопросу сугубо формально, с традиционной меркой версификаторских упрощений: «Стихи (К. Некрасовой) совершенно сырые, несделанные... небрежный набор фраз, без определенной идеи, просто наброски», — дает заключение литконсультация.

Большую борьбу пришлось выдержать т. Асееву, чтобы доказать неправильность этого заключения и опубликовать в журнале (№№ 3 и 6 1937 г.) стихи молодого поэта К. Некрасовой.

В третьем номере журнала т. Асеев выступил со статьей, в которой прямо пред'явил обвинение: «Трафарет сделанных стихов — это мерило вкуса и чуткости наших литконсультантов — становится преградой между талантливым начинающим и приемщиком».

И это обвинение в первую очередь брошено журналу «Октябрь», где были забракованы стихи К. Некрасовой. И не только Некрасовой, но и А. Яшина и, возможно, многих других, не попавших случайно под руки т. Асееву. Какой же вывод сделала для себя редакция журнала «Октябрь»? Никакого!

Мы просмотрели огромную папку копий писем, отправленных в 1937 г. литконсультацией журнала «Октябрь» начинающим литераторам. Семь восьмых всего количества ответов написаны литконсультантом В. Новинским. Читаем:

«Баку, поселок имени Степ. Разина. Болдарскому.

Замысел Вашей новеллы интересный, но выполнение снижает художественную ценность рукописи (?). Вы и действий не даете и психологию не углубляете, не увлекаете тонким и захватывающим анализом ума, сердца человека.

Важно обрисовать характеры — тогда естественно пересекутся «координаты сердца» (?!!). «Письма» утяжеляют развитие действия и без того вялого, медленного.

А главное: Вы так и не нашли координаты — труда, гражданского долга, любви. А это очень заманчиво: так (?) поставить вопрос о любви советских людей. Лучше пойти по линии конфликтов, узлов, нарастаний — это будет правдивее всего и увлечет читателя».

И это не единичное письмо.

Но есть письма Новинского, поражающие своей лаконичностью. Точно попугай, выкрикивает он Западалову в Ленинград, Ильину в Пермь, Ковалкину в Омск, Колтушину в Орск: «Типические характеры в типических условиях — вот основной закон художественного произведения», «Вся сложность художественного изображения в том, чтобы показать типические характеры в типических обстоятельствах», «Вы нарушили главный принцип реалистического искусства: изображать типические характеры в типических обстоятельствах». И все.

Не достаточно ли цитат? Ведь почти каждое письмо Новинского, — а их большинство в папке переписки с молодыми литераторами, — это или бессвязный набор фраз или советы, взятые на прокат из почты старого журнала «Пробуждение».

★

Вот так уже около года Новинский консультирует рукописи, поступающие в редакцию журнала. Надо добавить, что всех этих писем редакция журнала «Октябрь» даже не видела. Деятельность Новинского, да и всей литконсультации, ведется бесконтрольно и безответственно.

Впрочем, о способностях Новинского рецензировать литературные произведения редакция имела возможность догадаться. Ведь не авторам в порядке ответа, а редакции в виде отзыва Новинский писал:

«Киреевский И. Н. «Проект должен быть пересмотрен». Тема интересная: мотивы налицо и творчество в научных условиях. Карьеризм, личное перед общественным терпят крах, человеку, чтобы творить, надо очиститься от всех пережитков прошлого. Польза обществу, долг в сочетании с личным — вот творческий путь новой эпохи.

Но автору не удалось художественно поднять эти проблемы, не удалось осветить глубину перестройки человека.

С тов. приветом Новинский».
20.III. 37 г.

Начинающий литератор Павлов из Краснодара написал пьесу и отослал рукопись в редакцию на консультацию. Здесь, как полагается, рукопись передали Новинскому. Не знаем, читал он ее или нет, только ответ его был мудр:

«Вы хотите писать пьесу. Но ваша рукопись не похожа на пьесу. У вас люди по очереди говорят. Это еще не пьеса...»

Настрочив еще несколько таких откровений, Новинский отправил Павлову письмо и успокоился. Возмущенный этим ответом, Павлов написал письмо ответственному секретарю союза писателей т. Ставскому. «Признаюсь, я возмущен таким недоброжелательным отношением к людям, пытающимся научиться писать, — пишет он. — Ни одного совета для дальнейшей работы»...

Товарищ Ставский препровождает в редакцию «Октября» письмо т. Павлова, требуя разобраться и толково ответить автору. Но редакция.. передает письмо Павлова литконсультанту Новинскому! Ни мало не смущенный, Новинский снова строчит Павлову: «Вы пишете: я не дал Вам советов для будущей работы. Я пишу «У вас люди по очереди говорят». Нельзя так писать пьесу»... — и дальше снова набор фраз, столь же бессодержательных, сколько и безграмотных.

Вся деятельность Новинского — это дискредитация работы с молодыми авторами, это подрыв воспитательной работы, это **активное** отталкивание от литературы начинающих писателей.

Так выглядит оборотная сторона медали «большой и хорошо организованной» в журнале «Октябрь» работы с молодыми.

НАУМОВ.

«Манас» на русском языке

К двадцатилетию Великой пролетарской революции Гослитиздат выпускает на русском языке первый том замечательного памятника киргизского эпоса — **«Манас»**.

Том включает более 20 тысяч стихотворных строк.

Перевод первой части поэмы в основном закончен. Для окончательной редакции текста перевода и подбора иллюстрационных материалов издательство, по приглашению СНК Киргизской ССР, направило в г. Фрунзе группу поэтов и художников.

Книга будет богато иллюстрирована.

ПРОВЕРИТЬ КАДРЫ

В Гослитиздате

Основным, ведущим звеном издательства является редакционный аппарат. От правильного подбора редакционных работников издательств зависит и выпуск высококачественной художественной продукции.

Основным издательством художественной литературы в РСФСР является государственное издательство «Художественная литература» (Гослитиздат).

Все ли благополучно в этом издательстве? Отвечает ли оно полностью тем высоким требованиям, которые сейчас пред'являются к каждому учреждению, работающему на идеологическом фронте? Далеко не отвечает.

Руководство издательства в лице его директора т. Накорякова не сумело обеспечить подлинно большевистского подбора редакционных кадров.

Дух делячества, ссылки на об'ективные условия привели к ряду серьезнейших политических срывов работы издательства.

Кадры редакторов засорены враждебными элементами. Не так давно один из работников главной редакции издательства был разоблачен как враг народа. Являлось ли неожиданностью для руководителей издательства разоблачение этого человека? Нет. Ибо партийная организация неоднократно сигнализировала руководству о нем. Ни т. Накоряков, ни т. Луппол не подхватили сигналов парторганизации.

Несколько дней назад парторганизацией Гослитиздата был исключен из партии как двурушник И. Беспалов — зам. главного редактора Гослитиздата.

Как же при наличии таких редакционных работников можно было ожидать высококачественной продукции?

И действительно, Гослитиздат выпустил вреднейшую книгу Зарудина «В народном лесу». Гнусная книга Борна «Единственный и Гестапо» была набрана в «Роман-газете» и ее собирались выпустить многотысячным тиражом. Фашистскую контрабанду — книгу «Третья империя в лицах» Н. Корнева издали в прекрасном оформлении и с рисунками.

Приведенные нами здесь факты безобразной деятельности Гослитиздата — лишь незначительная часть «художеств» этого рода.

Любопытно, например, проследить гонорарную политику директора издательства. Ну, кому не известно сейчас в нашей стране о вредных книгах и совершенно позорных, халтурных «творческих» методах Б. Пильняка? Кому не ясна рваческая физиономия этого писателя? Однако директор издательства считает своей обязанностью попрежнему уплачивать Б. Пильняку десятки тысяч рублей авансом под будущие «произведения».

Повесть Зарудина «В народном лесу» получила вполне определенную оценку. В «Правде» и в «Литературной газете» она была квалифицирована как троцкистская, враждебная нам писанина.

Однако эти отзывы не помешали директору издательства т. Накорякову заключить новый договор с Зарудиным, по которому Зарудин сумел содрать с «доверчивого» т. Накорякова несколько тысяч рублей.

Вопиющий факт безобразно-либерального отношения к вредным книгам и их авторам!

Этому должен быть положен конец.

Нужно немедленно пересмотреть редакционно-издательские кадры, допуская к редактированию лишь политически вполне проверенных, преданных партии и советской власти людей. Без этого невозможно добиться решительного перелома в работе издательства.

И. СЕРОВ.

Навести порядок в издательском хозяйстве БССР

От нашего белорусского корреспондента

«Литературная газета» неоднократно писала о плохой работе Государственного издательства БССР в 1936 г. и в начале 1937 г.

Враги народа ,свившие себе крепкое гнездо в издательстве, довели его почти до развала. После разоблачения и изгнания этих вредителей руководство перешло к новому зав. издательством Бренейзину. Но положение от этого не улучшилось.

Всю деятельность издательства Бренейзин подчинял одной основной задаче: получить побольше прибылей.

В результате между издательством и союзом советских писателей возникла непроходимая стена бюрократизма. Писатели отказывались иметь дело с издательством.

«Руководство» Бренейзина давало себя знать и в другом отношении. Издательство решило выпустить на русском языке знаменитый роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Вместо того, чтобы удовлетвориться простой перепечаткой проверенного московского издания, Бренейзин обнаружил в романе «проявление шовинизма и антисемитизма» и выбросил из книги ряд абзацев.

У Чернышевского например написано:

«Вера Павловна начала разбирать свои вещи для продажи, а сама послала Машу сначала к Мерцаловой, просить ее приехать, потом к торговке старым платьем и всякими вещами подстать, Рахели, одной из самых оборотливых евреек, но доброй знакомой Веры Павловны, с которой Рахель была безусловно честна, как почти все еврейские мелкие торговцы и торговки со всеми порядочными людьми. Рахель и Маша должны были заехать на городскую квартиру, собрать оставшиеся там платья и вещи, по дороге заехать к меховщику, которому отданы были на лето шубы Веры Павловны, потом со всем этим ворохом приехать на дачу, чтобы Рахель хорошенько оценила и купила все гуртом».

Бренейзин обнаружил здесь антисемитизм и после слова «подстать» все остальное выбросил. Но так как имя «Рахель» встречается часто и в дальнейшем, то Бренейзин всюду заменил его словом «торговка».

Эти художества Бренейзина были обнаружены лишь после того, как было отпечатано 10 тысяч экземпляров книги и истрачено 60 тысяч рублей государственных денег. Весь тираж, конечно, погиб, ибо в таком виде роман выпустить невозможно.

Бывший редактор издательства Иванова (сейчас она исключена из партии и снята с работы) проделала подобную же операцию с романом Виктора Гюго «Человек, который смеется». Она ыбрасывала такие фразы, как «Душа человека страшится встречи лицом к лицу с душой природы». К счастью, эта книга еще не отпечатана, и удастся внести нужные исправления.

Бренейзин и его подручные, проявляя такого рода «бдительность», в то же время не замечали подлинных врагов, которые творили и еще творят свое грязное дело у них под носом. Всего несколько недель назад в одной из комнат издательства был обнаружен на стене портрет одного из разоблаченных шпионов. В издательстве до сих пор работает весьма близкая к этому шпиону его бывшая секретарша, некая Байрашевская, в прошлом сотрудница штаба одной из белых армий.

Тот же Бренейзин бесцеремонно санкционировал выдачу Александровичу 32 тысяч рублей за сборник стихов (большинство старых) «Вооруженные песни» при тираже 8 тысяч экземпляров. Значительная часть тиража этой книги и по сей день лежит на базах и вряд ли когда-нибудь разойдется.

Скажем в заключение, что Бренейзин оставил в карманах врагов народа около 50 тысяч рублей невозвращенных авансов.

★

За первую половину 1937 г. Государственное издательство БССР по секторам художественной литературы выпустило 67 названий. Значительная часть этих книг была сдана в производство в начале и в середине 1936 г. и даже в 1935 г. и в баланс издательства за 1937 г. занесена быть не может. Ряд книг представляет собою переиздание старого. Из 67 книг лишь 38 вышло на белорусском языке (в том числе 10 для детей), тринадцать — на русском, двенадцать — на еврейском, две — на польском и две — на литовском. Причем из 38 книг на белорусском языке только 12 принадлежат перу писателей БССР, а все остальные — переводы.

«Деятельность» Бренейзина и его соратников привела к тому, что сейчас в портфелях издательств нет ни одной новой книги по художественной литературе, нет ничего нового к 20-й годовщине Октября.

В этих плачевных результатах повинно не только издательство, но, в весьма значительной степени, и союз советских писателей БССР, который не сумел мобилизовать писателей на подготовку к знаменательной дате 20-летия Великого Октября.

Правление ССП БССР ограничилось лишь постановлением об издании «Октябрьской серии», понимая ее как переиздание лучших книг белорусской литературы.

Лишь несколько дней назад, когда в дело активно вмешался отдел печати ЦК КП(б)Б, созвавший по этому поводу специальное совещание, было решено сделать все возможное для того, чтобы писатели закончили, а издательство выпустило к октябрьской годовщине несколько новых книг. В частности намечено издание сборников «Ленин и Сталин в белорусском фольклоре», «Сталин в белорусской поэзии», сборник об Октябрьской революции и др.

★

В данное время в Госиздате БССР работает новый директор — т. Лагодич.

В издательстве весьма тяжелое положение с кадрами. Вместо 16 редакторов есть только шесть, да и те недостаточно квалифицированные. Нет заведующего сектором художественной литературы, нет главного редактора.

Чрезвычайно плохи и полиграфические условия издательства. Оно не имеет даже своей типографии и пользуется лишь правами заказчика в типографии Белполиграфтреста. Это приводит к очень неприятным, а подчас и просто возмутительным последствиям. Многие книги (например, «Гулливер у лилипутов» Свифта и др.) лежат в типографии с 1935 г., и нет надежды, что они когда-либо выйдут в свет. Недавно имел место такой случай. Типография передала издательству контрольный экземпляр книги «Цемент» Гладкова. Этот экземпляр был удовлетворителен. Но торговой сети пришлось вернуть 10-тысячный тираж этой книги, так как он оказался сплошным браком. Сейчас в производстве находятся 32 книги по сектору художественной литературы, но неизвестно, когда они выйдут.

Неоднократные обращения в республиканские организации с просьбой предоставить издательству собственную полиграфическую базу до сих пор не удовлетворены.

Положение Государственного издательства БССР оставляет желать много лучшего. Нужно надеяться, что при активной и надлежащей помощи со стороны республиканских организаций это положение изменится.

Так или иначе в издательском хозяйстве БССР должен быть наведен порядок.

С. ДЕЛЬ.

Пушкин с няней в Михайловском у замерзшего окна.

Рисунок **Н. П. Ульянова. 1936 г.**

Издательство «Academia» готовит новое издание полного собрания сочинений Пушкина, представляющее в текстологическом отношении переиздание юбилейного шеститомника, пять томов которого уже вышли в свет. Новое издание рассчитано на 9 томов и будет богато иллюстрировано.

Книги по искусству

Новые издания Изогиза

★ Выпускаемая на-днях Изогизом книга **Л. В. Розенталя «Основное об искусстве»** рассчитана на массового читателя. Автор делает попытку в популярной форме рассказать широкому читателю об основных свойствах и особенностях различных видов изобразительного искусства: живописи, скульптуры, архитектуры. В книге большое количество снимков с классических памятников искусства и произведений советских художников.

★ В ближайшие дни выходит монография **М. Сокольникова** о старейшем советском гравере, заслуженном деятеле искусства **Иване Николаевиче Павлове.** В книге будут воспроизведены гравированные И. Павловым портреты Ленина, Сталина, Ворошилова, Калинина, Орджоникидзе, Героя Советского Союза Отто Юльевича Шмидта и виднейших деятелей науки и искусства.

Среди многочисленных гравюр, иллюстрирующих монографию, читатель найдет столь характерные для творчества И. Павлова архитектурные пейзажи Москвы и ее окрестностей, виды Поволжья и старинных русских городов.

★ Готовится к печати **«Справочник по искусству»**, в котором будет помещено 6.000 коротких заметок, в том числе 3.000 справок о мастерах искусства различных эпох и народов. В справочнике будут даны также краткие сведения по вопросам народного искусства, о национальном искусстве, о художественной промышленности, о музеях и т. д. В составлении справочника принимают участие виднейшие советские искусствоведы.

О героической борьбе испанского народа

Книги «Издательства иностранных рабочих»

★ Издательство иностранных рабочих выпускает на немецком языке сборник речей, докладов и статей **Долорес Ибаррури** (Пасионарии) под общим названием **«Мы победим».**

★ Готовится к печати на немецком языке большой **сборник стихотворений** советских и зарубежных антифашистских поэтов о героической борьбе испанского народа. Переводы стихотворений сделаны Эрихом Вайнерт.

★ На немецком языке выходит также книга известного английского журналиста, корреспондента «Дейли Уоркер» **Фрэнка Питкерна «Записки репортера и бойца о гражданской войне в Испании»**, известная уже советскому читателю в изложении на русском языке.

Н. ГУДЗИЙ

Пушкин за работой над «Словом о полку Игореве»

Пушкин, начиная со зрелого периода своей жизни, проявлял усиленный интерес к русскому историческому прошлому и в частности к прошлому литературному; специальный же интерес его к «Слову о полку Игореве» приходится на последние годы его жизни. Как раз в это время, в связи с общим усилением скептического отношения к русской истории, усиливаются голоса отрицателей подлинности «Слова». Во главе их в ту пору становятся Каченовский и Сенковский, и их настойчивые заявления о том, что древность «Слова» сомнительна, заставляют Пушкина вмешаться в спор и примкнуть в этом споре к тем, кто защищал исконную древность памятника.

27 сентября 1832 г., по приглашению тогдашнего товарища министра народного просвещения С. С. Уварова, Пушкин посетил лекцию о «Слове» профессора И. И. Давыдова в Московском университете. На лекции присутствовал и Каченовский. После лекции между Пушкиным и Каченовским завязался спор о подлинности «Слова». «Я не припомню подробностей спора, — писал позже в своих воспоминаниях И. А. Гончаров, тогда студент Московского университета, — помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож». Поэт Майков так передает впечатление от спора, сообщенное ему тем же Гончаровым — его приятелем: «Помню, как сквозь седины Каченовского проступал румянец и как горели глаза Пушкина». И от себя добавляет: «Бой был неравен, судя по впечатлению приятеля: он и теперь еще, кажется, более на стороне профессора (т. е. Каченовского. — **Н. Г.**), — и немудрено. Пушкин угадывал только чутьем то, что уже после него подтвердила новая основа филологии неопровержимыми данными, но этого оружия она еще не имела в его время, и поэт не мог разорвать хитро сплетенной паутины «злого паука».

Шевырев, упоминая о большом интересе Пушкина к памятникам нашей древней словесности вообще, пишет: «Слово о полку Игореве» он помнил от начала до конца наизусть и готовил ему об'яснение. Оно было любимым предметом его последних разговоров». В другом месте Шевырев сообщает: «Известно, что Пушкин готовил издание «Слова о полку Игореве». С глубоким уважением говорил он о его поэтических достоинствах и не сочувствовал нисколько мнениям скептиков, которые всего сильнее действовали в его время. Нельзя не пожалеть, что он не успел докончить своего труда».

Разговор Пушкина с Шевыревым относится к весне 1836 г. и имел место в Москве. Тогда же Пушкин просит археолога Снегирева прислать ему «замечания на Игореву песнь, коею он занимается как самородным памятником русской словесности». Вернувшись в Петербург, Пушкин при встрече с известным ученым П. И. Кеппеном в Публичной библиотеке заводит с ним разговор о Бояне «Слова» и затем получает от него выписку, заключающую в себе изложение взглядов по этому поводу польского ученого Кухарского.

13 декабря 1836 г. А. И. Тургенев писал своему брату Н. И. Тургеневу: «Я зашел к Пушкину справиться о песне о полку Игореве... Он хочет сделать критическое издание сей песни, вроде Шлецерова Нестора, и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дождаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое прояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: все основано на знании наречий славянских и языка русского».

Через несколько дней после смерти Пушкина, 4 февраля 1837 г., М. А. Коркунов, позже академик, писал в «Московские ведомости»: «С месяц тому назад Пушкин разговаривал со мной о русской истории; его светлые об'яснения древней «Песни о полку Игореве», если не сохранились в бумагах, — невозвратимая потеря для науки».

Наконец, по словам этнографа и археолога Сахарова, Пушкин 24 января 1837 г., т. е. за три дня до дуэли, вел горячий и содержательный спор о «Слове» с поэтом и переводчиком Якубовичем. «Здесь я слышал, — писал присутствовавший при этом споре Сахаров, — его предсмертные замыслы о Слове Игорева полка — и только при разборе библиотеки Пушкина видел на лоскутках начатые заметки».

Таким образом в течение нескольких лет и до конца своей жизни Пушкин живо интересовался «Словом о полку Игореве», стремясь, видимо, привести в исполнение свое давнишнее намерение — издать критический текст «Слова» со своими пояснениями, а, быть может, и со своим переводом. Встречаясь с лицами, которые в той или иной степени были заинтересованы «Словом», он торопится поделиться с ними своими соображениями о нем, как человек, серьезно заинтересованный в деле и надеющийся в спорах со своими собеседниками проверить и укрепить свои собственные догадки и соображения. Он знаком был с важнейшей литературой предмета. В библиотеке его имелось несколько изданий «Слова», переводов памятника и исследований, ему посвященных.

Самостоятельная работа Пушкина над «Словом» выразилась в пометках, сделанных им в переводе «Слова» на современный русский язык, принадлежавшем Жуковскому, относящемся к 1817—1819 гг. и не напечатанном им, в таких же исправлениях и пометках, но в меньшем количестве, сделанных в экземпляре книги А. Вельтмана, вышедшей в 1833 г., заключавшей в себе перепечатку текста первого издания «Слова», его прозаический перевод и «примечания и толкования» к переводу, и, наконец, в черновой, незаконченной статье о «Слове» и в отрывочных замечаниях к нему, написанных на клочках бумаги.

Основная статья Пушкина о «Слове» имеет характер черновика, наскоро писавшегося, содержащего иногда лишь намеки, которые, видимо, позднее должны были быть развиты и литературно обработаны. Как указал уже Анненков, в некоторых местах этой статьи не дописаны ссылки на авторов и не договорены даже мысли самого Пушкина. Написанное на клочках бумаги писалось, очевидно, в качестве подсобных заметок к статье, которые в ней тогда же получали дальнейшее свое оформление. Нужно думать, что толчком к этой работе послужила присылка Пушкину Вельтманом экземпляра его книжки 4 февраля 1833 г. с просьбой высказаться о книжке. Однако, судя по различным указаниям, в частности приведенным выше, нужно думать, что работа Пушкина над «Словом» в основном падает на 1836 год, в особенности на самый конец его.

Конкретным об'яснениям отдельных мест «Слова» в статье Пушкина предшествуют общие указания на судьбу рукописи памятника и на время ее написания, на качество перевода в первом издании. Это первое издание Пушкин расценивает в общем сочувственно, упрекая последующих толкователей в том, что они «наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными», и подчеркивает в то же время солидность об'яснений «Слова» Карамзиным, данных им мимоходом в его «Истории государства Российского». Вслед затем Пушкин утверждает подлинность «Слова» сначала ссылками на авторитет того же Карамзина, а также других его исследователей, в том числе Востокова и Шлецера. Далее — по взгляду Пушкина — подлинность «Слова» доказывается «духом древности, под который невозможно подделаться». Среди русских писателей он не может назвать ни одного, у которого хватило бы настолько таланта, чтобы подделать «Слово». Карамзин не был поэтом, Державин «не знал и русского языка, не только языка «Песни о полку Игореве»; прочие же «не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства». «Кому пришло бы в голову, — спрашивает затем Пушкин, — взять в предмет песни темный поход неизвестного князя? Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы знание всех наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна?..» Пушкин здесь подпал под влияние первых толкователей языка «Слова», сближавших этот язык с разнообразными славянскими языками. Отсюда и заключительный абзац общей, вступительной части статьи, в котором Пушкин к числу славянских языков относит ошибочно и язык молдавский: «Ломоносов жил не в XII столетии. Ломоносовские оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала перед ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирийских, ни болгарских, ни молдавских, ни других наречий славянских».

В том, что писал Пушкин о «Слове о полку Игореве», и в толковании им отдельных его загадочных мест были и ошибочные и спорные положения, были и меткие наблюдения, оправданные последующей филологической критикой памятника. В некоторых случаях правота была не на стороне Пушкина, а на стороне тех, против домыслов которых он возражал. Но в целом качество комментариев Пушкина к «Слову» не стояло ниже того, что в этом отношении сделано было его современниками, специально занимавшимися «Словом» и имевшими возможность потратить на его изучение гораздо больше времени и сил, чем Пушкин, специально никогда филологической критикой не занимавшийся и все же в ряде случаев обнаруживший настоящее чутье в понимании древнего поэтического текста. Нельзя забывать, что «Словом» Пушкин занимался в пору напряженнейших житейских и литературных забот, которые естественно не давали ему возможности сосредоточиться на нем в полной мере: работа над «Словом» была Пушкиным лишь начата, сделаны были только беглые предварительные наброски, собран первоначальный материал, и все это наскоро, торопливо записано, как наметка для готовившейся, очевидно, большой работы.

Но и то, что Пушкин успел набросать для своей статьи и отметить и исправить в чужих работах по «Слову», является свидетельством критической остроты его суждений. Даже в тех случаях, когда те или другие его домыслы оказывались спорными или неприемлемыми, они были часто оригинальны, тонки и смелы. Таковы, например, его соображения о том, что «Не лепо ли ны бяшеть» представляет собой не вопросительный, а утвердительный оборот речи, что «готовы» значит «известны», что выражение «хочу копие приломити, а любо испити» равнозначно поговорке «либо пан, либо пропал», такова его догадка, что автор «Слова» иногда допускает в отношении Бояна ироническое отношение.

Очень показательно, что поэтическое и критическое чутье Пушкина подсказало ему в качестве отправного пункта для собственных изысканий по «Слову» воспользоваться переводом Жуковского, несомненно лучшим во всех отношениях по сравнению со всеми другими, которыми Пушкин мог располагать.

Характерно и то, что в пору оживившегося скептического отношения к «Слову» он, не колеблясь, признал его подлинность, хотя в виду малой разработанности в ту пору истории нашей древней культуры, отрицал самое бытие древней русской литературы, считая, что «Слово о полку Игореве» «возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности» или, варьируя ту же мысль, что «за нами темная степь, и на ней возвышается единственный памятник: «Песнь о полку Игореве».

Но даже независимо от нашей оценки того, что успел сделать Пушкин в изучении и осмыслении «Слова о полку Игореве», знаменателен уже сам по себе факт усиленного внимания его к «Слову», не перестававшему привлекать его пытливость в течение всех последних лет его жизни. Это внимание было выражением длительного общего интереса Пушкина к нашему культурному народному прошлому и настоящему, как материалу, с которым органически срасталось его собственное творчество и от которого оно получало свои питательные соки.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1841 год
Дуэль и смерть Лермонтова

27 июля 1841 г. погиб на дуэли один из величайших русских поэтов М. Ю. Лермонтов.

Высланный Николаем I из столицы, брошенный в омут мелких провинциальных сплетен и пересудов, в среду бреттеров, пьяниц и картежников, Лермонтов сберег свой талант и в годы ссылки создал лучшие свои произведения. «Мы... не скажем, чтоб из него со временем вышел Байрон, Гете, или Пушкин, — писал Белинский, — ибо мы убеждены, что из него выйдет ни тот, ни другой, ни третий, а выйдет — Лермонтов». Белинский правильно оценил значение Лермонтова в русской литературе. Понимал это значение и Николай I. Именно потому он и послал Лермонтова под пули усмиряемых чеченцев.

Расчет оказался верным: если не пуля чеченца, так пуля проходимца-бреттера прекратила жизнь великого русского поэта — наследника Пушкина.

Один из секундантов, А. Васильчиков, рассказал подробности дуэли: «Мы отмерили с Глебовым 30 шагов; последний барьер поставили на 10-ти и, разведя противников на крайние дистанции, положили им сходиться каждому на 10 шагов по команде «марш». Зарядили пистолеты. Глебов подал один Мартынову, я — другой Лермонтову, и скомандовали: «Сходись». Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслоняясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлянта.

В эту минуту, — и в последний раз — я взглянул на него и никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом пистолета, уже направленного на него. Мартынов быстрыми шагами подошел к барьеру и выстрелил. Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни взад, ни вперед, не успев даже захватить больное место, как это обыкновенно делают люди раненные или ушибленные.

Мы подбежали. В правом боку дымилась рана, в левом — сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкие. Хотя признаки жизни уже видимо исчезли, но мы решили позвать доктора... Я поскакал верхом в Пятигорск, заезжал к двум господам медикам, но получил такой же ответ, что на место поединка, по случаю дурной погоды (шел проливной дождь) они ехать не могут, а приедут на квартиру, когда привезут раненого.

Когда я возвратился, Лермонтов уже мертвый лежал на том же месте, где упал...».

Известно, как потрясла смерть Лермонтова всю страну. Тем больший интерес представляет эпизод, рассказанный П. П. Вяземским:

«Летом, во время Красносельских маневров, приехал из лагеря к Карамзиным флигель-ад'ютант... Он нам привез только что полученное в главной квартире известие о смерти Лермонтова. По его словам, государь сказал: «Собаке — собачья смерть».

1872 год
Умер Пров Садовский

Шестьдесят пять лет назад, 28 июля 1872 г., в Москве умер один из крупнейших русских актеров — Пров Михайлович Садовский. В истории русского театра Садовский занимает выдающееся место, как непревзойденный исполнитель созданного Островским репертуара. История завоевания Островским русской сцены неотделима от имени Садовского. И не приходится сомневаться в том, что многолетняя горячая дружба, связывавшая знаменитого артиста и великого драматурга, оказала одинаково благотворное влияние на творческую деятельность обоих.

Артистическая деятельность Садовского началась в 1832 году, когда ему было только 14 лет. До 1839 года он скитался по провинциальным городам, переходя из одной маленькой труппы в другую, часто не имея ни крова, ни куска хлеба.

Знакомство с Щепкиным помогло ему добиться выступления на казенной сцене в Москве. Но дебют молодого актера был встречен довольно сухо. Театральные рецензенты отмечали, что Садовский «принадлежит к числу таких артистов, от которых театр не выиграет ничего, и о которых нельзя сказать ни худого, ни хорошего».

Такое равнодушие к Садовскому сохранялось длительное время. До известной степени оно об'ясняется тем, что Малый театр в течение нескольких лет держал Садовского на вторых ролях. Но и впоследствии, когда ему стали поручать главные роли, он не всегда имел успех. Наряду с блестящими образами Подколесина («Женитьба») и Пустославцева («Лев Гурыч Синичкин»), у него были и большие провалы (Городничий, Фамусов).

Настоящий успех пришел с появлением первых пьес Островского. Именно в этих пьесах Садовский смог дать подлинно реалистическое изображение жизни и утвердить те начала реализма в сценическом искусстве, которые принес в русский театр Щепкин. Прекрасно зная провинциальный захолустный быт, Садовский на протяжении двух десятилетий создал целую галлерею образов. Многие из них стали на русской сцене каноническими.

Последнее выступление Садовского (в «Лесе») состоялось 16 июня 1872 г. Он почувствовал себя плохо в театре. Его отвезли домой, и больше он уже не вставал.

Тургенев — переводчик Гоголя

С каким благоговением относился Тургенев к Гоголю как писателю — хорошо известно. Смерть его он воспринял так остро, что даже поплатился за это.

В 1837 г. Лермонтов подвергся ссылке за стихотворение на смерть Пушкина, а ровно через 15 лет был сослан Тургенев за статью по поводу смерти Гоголя. Гоголя он знал лично и в своих «Литературных воспоминаниях» рассказал, как вместе с актером М. С. Щепкиным посетил в 1851 году автора «Мертвых душ». Об этом же посещении сохранился рассказ и М. С. Щепкина, записанный с его слов внуком.

Здесь, между прочим, читаем: «Он (Гоголь) встретил нас весьма приветливо, когда же Иван Сергеевич сказал Гоголю, что некоторые произведения его, переведенные им, Тургеневым, на французский язык и читанные в Париже, произвели большое впечатление, Николай Васильевич заметно был доволен». Что это были за переводы, о которых сам Тургенев в своих воспоминаниях о Гоголе не упомянул? Каких гоголевских произведений? Были ли они напечатаны?

Ответ на эти вопросы дает одна крайне редкая книжка, обнаруженная в библиотеке при Историческом музее: «N. Gogol. Nouvelles russes, traduction française, publiée par L. Viardot. Paris, 1845.

Кроме «Вия» в книгу вошло еще четыре произведения Гоголя: «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики».

Луи Виардо, муж известной певицы Полины Виардо, «публиковал», как он говорит, эти переводы и снабдил их своим предисловием, где, рекомендуя французским читателям русского писателя Гоголя, затем пишет:

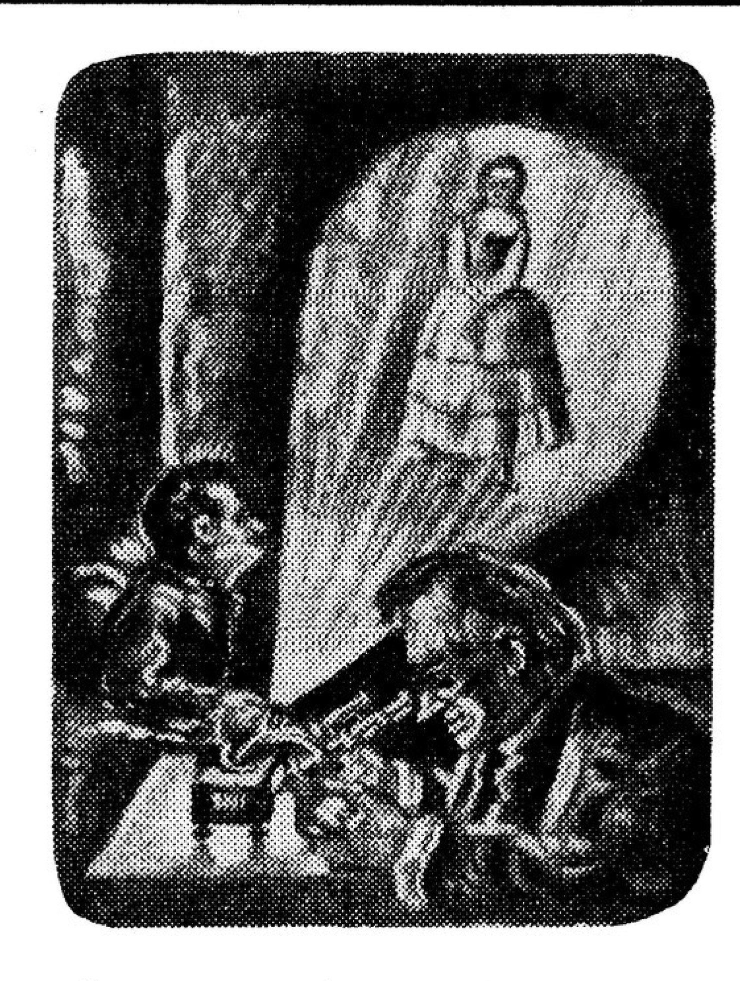
«Мне остается об'яснить, как это я, не зная ни слова по-русски, публикую перевод русской книги. Этот перевод, сделанный в Петербурге, принадлежит мне менее, чем двум моим друзьям: И. Т. — молодому писателю, уже приобревшему себе имя как поэт и критик, и С. Г., который готовит «Историю славянских народов». Они были так любезны, что диктовали мне французский перевод с русского оригинала. Я же ничего иного не сделал, как исправил некоторые слова и фразы. И если стиль принадлежит отчасти мне, то передача смысла — исключительно им».

Под указанными инициалами, несомненно, Луи Виардо имел в виду Тургенева и Степана Александровича Гедеонова (1816—1878), автора пьесы «Смерть Ляпунова». Тургенев познакомился с Луи Виардо в Петербурге 28 октября 1843 г., а 1 ноября был у него.

ИВАН РОЗАНОВ

«Получивший удар пронзительно вскрикивал, подскакивал и выделывал самые удивительные прыжки, пируэты, антраша, точно лучший солист парижского балета, пока противник не приводил его в оцепенение, устремив на него «укороченную трубку».

«Это произведение было некий ночной микроскоп, который, подобно волшебному фонарю, отбрасывал на белую стену изображение предмета с такой ясностью и отчетливостью, что не оставалось желать большего».

В ближайшее время в изд-ве «Academia» выходит **«Повелитель блох» Э. Т. А. Гофмана** с иллюстрациями **Н. П. Феофилактова.**

В библиотеке-музее В. В. Маяковского

Библиотека-музей в доме, где жил В. В. Маяковский, еще не открыта для посетителей, но в ней ведется уже интенсивная организационная и исследовательская работа.

Усиленно комплектуется книжный фонд библиотеки. Подбираются отдельные издания Маяковского, которые представлены почти с исчерпывающей полнотой, начиная от литографированного сборника стихов «Я» (1913) и кончая изданным в первые дни после смерти поэта «Вступлением» к поэме «Во весь голос».

Собрано множество сборников, альманахов, журналов, газет, в которых печатался Маяковский, в том числе — номера горьковской «Летописи», где впервые были напечатаны отдельные части поэмы «Война и мир».

В помощь поэтической и литературоведческой молодежи, изучающей творчество Маяковского, библиотекой подобрана дореволюционная литература XX века, а также советская поэзия, критика и проза.

Здесь довольно полно представлены писатели, группировавшиеся вокруг Горького, поэты-символисты, акмеисты и представители других дореволюционных литературных течений.

Подобрана критическая и мемуарная литература о Маяковском.

В справочно-консультационном отделе по вопросам жизни и творчества Маяковского подготовляется разносторонний библиографический материал.

Библиотекой-музеем приобретены интереснейшие издания, в частности, выпущенный в Москве в 1923 году сборник «К неделе инвалидов войны», в котором напечатано нигде не появлявшееся после этого маленькое лирическое стихотворение Маяковского «Горе».

Тщетно отчаянный вечер
Бился нечеловече,
Капли чернеющей крови
Стынут крышами кровель.
И овдовевшая в ночи
Вышла луна одиночить.

В собрании первопечатных текстов Маяковского, приобретенных библиотекой, найдено стихотворение «Головотяпам», относящееся к 1928 году.

Это стихотворение позже нигде автором не печаталось и не вошло в собрание его сочинений. Оно было написано для газеты ЦК и МК союза строительных рабочих «Постройка».

Музейная часть библиотеки располагает ценными материалами. Здесь собраны документы царской охранки, рисунки поэта, афиши его выступлений, корреспондентские билеты, выданные Маяковскому редакциями различных газет, фотокопии писем и т. д.

Приобретена также маска Маяковского работы скульптора Луцкого.

Слова и «дела» Малой советской энциклопедии

Недавно на периферии получен первый том Малой советской энциклопедии во втором, **дополнительном,** издании. Из предисловия к этому тому мы узнаем, что второе издание первого тома было разослано подписчикам еще в 1933 году. Ввиду большого спроса на МСЭ Государственный институт «Советская энциклопедия» считал необходимым выпустить сейчас дополнительный тираж второго издания первого тома в количестве 61.500 экземпляров.

Стремясь снабдить советского читателя последними данными, редакция МСЭ заявляет:

«... С момента выхода первого тиража прошел уже значительный срок. Ряд событий, происшедших за это время, потребовал внесения изменений и дополнений в некоторые статьи. Не имея возможности подвергнуть коренной переработке все требующие исправления статьи, редакция ограничилась внесением тех необходимых изменений и дополнений, которые вытекали **из новых фактов, событий и научных данных последних лет»** (подчеркнуто нами).

Приняв во внимание эти замечания редакции, мы открыли МСЭ на букву «Б» и из небольшой статьи об украинском театре «Березиль», в которой несколько раз упоминается имя Л. Курбаса как организатора театра, узнали, что «в последнее время «Березиль» пересмотрел и подверг критике свои художественно-идеологические позиции, включает в свой репертуар произведения пролетарских драматургов».

Редакции МСЭ и невдомек, что **еще в конце 1933 года разоблаченный как контрреволюционер - националист, Курбас был снят с работы в театре.** Редакция обходит полным молчанием проведенную на Украине под руководством партии огромную воспитательную работу по выкорчевыванию остатков курбасовщины с ее фашистской ориентацией на Западную Европу, на ее буржуазную культуру.

Составители МСЭ в статье о «Березиле» не удосужились в 1937 году дать хотя бы краткое определение курбасовщины как фашистской агентуры, воинственно-враждебной украинской советской культуре.

Редакторы МСЭ не знают, что именно с момента разоблачения и снятия Курбаса, в театре «Березиль» под руководством партии и при поддержке всей советской общественности начался сложный и ответственный период перестройки политических и творческих позиций, что театр «Березиль» **переименован в 1935 году** в «Театр имени Т. Г. Шевченко».

Все это для редакции МСЭ, очевидно, не «новые факты» и не «события».

А чего стоит упоминание в ряду советских драматургов имени разоблаченного контрреволюционера-националиста?

Отметим, что первый том дополнительного тиража второго издания МСЭ сдан в печать **27 июня 1936 г.** и подписан к печати **4 марта 1937 г.,** т. е. тогда, когда приведенные нами данные давно уже стали всеобщим достоянием.

Помещая в новом издании первого тома подобного рода статью о «Березиле», редакция МСЭ совершила грубую, ничем не оправдываемую политическую ошибку, дезориентирующую советского читателя.

А. КРОЛЬ

Харьков.

Снижение цен на книги

Совнарком РСФСР постановил снизить с 1 августа 1937 года на 15 проц. (по номиналу) цены на многотиражные издания ОГИЗ'а.

Снижаются цены на учебную, общеобразовательную и педагогическую литературу (стабильные учебники для начальных и средних школ, методическая литература, книги для школьных библиотек, географические карты, наглядные пособия для школ и др.), социально-экономическую литературу (массовая литература, научно-популярная, монография, история гражданской войны и др.), сельскохозяйственную, словарную литературу, автодорожную и водную, антирелигиозную, изопродукцию, календари и т. д.

ОГИЗ'у (т. Брон) предложено принять меры для дальнейшего сокращения расходов по выпуску книг — уменьшение отходов бумаги, сокращение сроков производства книги и другие меры по удешевлению книжно-журнальной продукции.

Горький в рисунках детей

Выставка «Горький, его жизнь и произведения в рисунках детей» открывается в Центральном доме художественного воспитания детей РСФСР им. А. С. Бубнова **28 июля,** в 3 часа дня.

На выставке будет представлено **250** лучших рисунков, отобранных по конкурсу среди детей, проведенному Центральным Домом художественного воспитания детей РСФСР им. А. С. Бубнова и Институтом мировой литературы им. Горького.

Газеты сообщают:

Приехавший в Хабаровск писатель **Евгений Петров** намерен пробыть на Дальнем Востоке около полугода и побывать во Владивостоке, в Биробиджане, на Камчатке, на Колыме, на Сахалине, в частях ОКДВА, на судах Тихоокеанского флота и на погранзаставах. **(«Тихоокеанская звезда».** Хабаровск).

★

Два года назад археологи при раскопках возле Саратова нашли рукопись, непонятные слова которой были нанесены тушью на березовую кору. Находку направили в ленинградский Эрмитаж, а затем в течение года рукопись изучал знаток монгольского языка сотрудник Института востоковедения Академии наук СССР профессор Н. Н. Поппе.

Он установил, что это **наиболее ранний из известных до сих пор памятников монгольской поэзии начала XIV века.** Написанные на березе лирические стихи представляют собою диалог между матерью и сыном.

Рукопись на коре пролежала в земле свыше 600 лет. В результате больших усилий профессору Поппе удалось прочесть рукопись, перевести ее на русский язык и снабдить историко-литературным комментарием. В ближайшее время эта работа выйдет в свет. **(«Ленинградская правда»).**

★

О неудовлетворительном состоянии Домика-музея и других лермонтовских мест в Пятигорске писалось уже неоднократно.

Недавно «Правда» сообщала о запущенности места дуэли Лермонтова.

Могила, в которой труп поэта пролежал два года и затем был перевезен в имение бабушки Арсеньевой, забыта. Площадка над склепом разрушается. Памятник дал трещины. Колонны «Эоловой арфы» испещрены надписями, штукатурка обваливается.

Лермонтовский сквер засорен. Лишь недавно возле памятника поэту посадили немного цветочной рассады.

Грот Лермонтова второй год на замке. Лермонтовская галлерея в «Цветнике» выглядит убого.

Вечера таджикского искусства

Вечера таджикского искусства состоялись с 18 по 24 июля в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького.

Выступавшие на эстрадах парка национальные хоровые коллективы исполнили популярные в Таджикистане народные песни — о товарище Сталине (слова поэта-орденоносца Г. Лахути), о герое Таджикистана орденоносце Мукум Мурат Султанове (текст Г. Лахути), о Мамлакат (текст молодого таджикского поэта П. Дехоти, музыка А. Камалова) и мн. др.

Были исполнены также национальные таджикские танцы: танец с бубенцами, танец молодежи с палками, коллективный танец девушек и др.

★

22 июля на симфонической эстраде парка состоялся вечер народного поэта Таджикистана орденоносца **Абул Гасема Лахути,** который читал на таджикском языке отрывки из своей поэмы «Родина радости».

На вечере были исполнены также стихи Г. Лахути на русском языке.

ПОПРАВКА

В заметке под названием «В партгруппе правления Союза советских писателей» («Лит. газета» № 32) неточно передано то место речи т. П. Юдина, где он говорил о деятельности «Кузницы». Это место следует читать так:

Тов. Юдин указывает, что взгляды «Кузницы» во многих существенных моментах совпадали со взглядами правых.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Вечерний Литературный Институт ССП об'являет набор слушателей на 1-й курс переводческого отделения (французское, немецкое, английское, еврейское и узбекское). Срок подачи заявлений по 20 августа. Справки и прием заявлений по адресу: Тверской бульвар, 25, т. 2-80-12.

Ответственный редактор **Л. М. СУБОЦКИЙ.**
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

НАВСТРЕЧУ XX-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Как готовятся редакции московских журналов

Приближается двадцатая годовщина Великой пролетарской революции.

Для того чтобы наши литературно-художественные журналы достойным образом отметили эту историческую дату, редакциям их уже сейчас надо развернуть большую подготовительную работу. Наметить темы, подобрать материалы, законтрактовать авторов.

Но во многих редакциях московских журналов, как правило, **планы юбилейных номеров даже еще не намечены.**

★

В редакции журнала **«Молодая гвардия»** даже удивились:

— Так рано — план октябрьского номера?

Фактически же до великой годовщины осталось всего три месяца.

В редакции журнала **«Красная новь»** план октябрьского номера есть, но выполнение его не обеспечено.

Валентин Катаев пишет роман на тему о немецкой оккупации на Украине. Автор намерен сдать роман в конце августа.

Д. Бергельсон по заданию редакции подготовил к октябрьскому номеру повесть в шесть печатных листов. Она состоит из цикла новелл о гражданской войне на юге России. Рукопись сдана переводчику, писателю Гехту.

М. Шагинян готовит литературный материал, посвященный юношеским годам В. И. Ленина.

Что касается отдела поэзии, то до сего времени редакцией «Красной нови» не намечены ни темы, ни авторы.

В журнале **«Октябрь»** плана октябрьского номера фактически нет. Здесь есть наметки, которые еще должны быть обсуждены на редколлегии.

Реальным материалом редакция считает — роман С. Д. Мстиславского «1917 год», печатание которого начнется с девятого номера, и статьи В. Перцова «Личность и социалистическое дело».

Намечаются также произведения молодых авторов: Рутько — повесть о стахановце, Первенцева — рассказ о Красной армии и Чаковского — литературный портрет Н. Островского.

Рассказы на октябрьские темы обещали дать журналу Ф. Панферов и В. Ильенков.

Редакция разослала по телеграфу заказы писателям в Горький, Днепропетровск, Киев, Харьков.

★

В октябрьском номере журнала **«Знамя»** будут помещены: киноповесть Вс. Вишневского «Мы — русский народ», новая повесть К. Паустовского о будущем обществе, рассказ Курочкина на тему об октябрьских днях в городе, небольшая повесть Вирта, рассказ В. Гроссмана и др. Поэмы на октябрьские темы заказаны Н. Тихонову и В. Луговскому.

Редакция организовала получение литературно-художественного материала о Советском Союзе от иностранных писателей, посещавших СССР.

Юбилейный репертуар

Всесоюзный комитет по делам искусств издал 10 июля с. г. приказ, в котором мы читаем:

«Заслушав сообщение отраслевых управлений Всесоюзного комитета по делам искусств и начальников управлений по делам искусств Украины, Азербайджана, Москвы, Свердловской области, Ленинградской области и др., Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР отмечает, что подготовка к празднованию XX-летия Октябрьской пролетарской революции и к новому юбилейному сезону 1937—1938 гг. развернута совершенно неудовлетворительно. Особенно нетерпимым является запоздание с юбилейными пьесами, кинофильмами, музыкальными произведениями и подготовкой выставок к Октябрю».

Приказ несколько запоздалый.

«Правда», «Литературная газета» и другие органы советской печати еще в марте месяце указывали на то, что подготовка к великому юбилею Страны Советов идет в театрах недопустимо медленными темпами.

Так как советские драматурги, особенно те из них, которые были призваны участвовать в закрытом конкурсе ВКИ, запоздали с представлением своих пьес, крупнейшие театры столицы и периферии находились все последние месяцы в крайне напряженном состоянии.

За исключением МХАТ СССР им. Горького, остановившего свой выбор на пьесе Н. Вирта «Земля», ни один московский театр еще месяц назад не мог назвать пьесу, которую он покажет в дни великого праздника.

И только теперь с большей или меньшей определенностью выясняется юбилейный репертуар крупнейших театров Москвы.

Заместитель председателя Комитета по делам искусств т. **Я. О. Боярский** считает, что тремя «опорными пунктами» юбилейного года явятся спектакли: «На берегах Невы» К. Тренева — в Малом театре, «Земля» Н. Вирта — в МХАТ им. Горького и «Человек с ружьем» Н. Погодина — в Театре им. Вахтангова.

Московский Художественный театр СССР им. Горького показал на-днях Комитету прогонную репетицию спектакля **«Земля».**

Просмотр этой еще черновой работы, по словам т. Боярского, позволяет думать, что спектакль будет весьма значительным.

Над юбилейными постановками начали также работать Московский театр революции («Правда» — А. Корнейчука), Камерный театр («Дума о Британке» — Ю. Яновского), Государственный еврейский театр («Семья Овадис» — П. Маркиша), Театр им. МОСПС («Баку» — Н. Никитина).

Изменив традиции принимать спектакль перед генеральной репетицией, когда затрачены уже средства, труд и время, Комитет по делам искусств решил контролировать и направлять работу театров над юбилейными постановками с первых репетиций.

★

Пьесы К. Тренева, Н. Вирта, Ю. Яновского, С. Вашенцева, Н. Никитина и др. широко разошлись по периферийным театрам. За последние полтора месяца больше 60 руководителей областных театров Союза побывали в Комитете по делам искусств и возвратились с пьесами, обеспечивающими репертуарные планы юбилейного года.

Театральное управление ВКИ, однако, не должно ограничиваться руководством только крупнейшими областными и столичными театрами.

Все театры должны показать в юбилейные дни спектакли, посвященные двадцатилетию Великой пролетарской революции.

Некоторые же театры Москвы до сих пор не приступили к работе из-за отсутствия пьес для юбилейной постановки.

Реалистический театр все еще ждет окончания переделки романа А. Первенцева «Кочубей», и сейчас трудно сказать, насколько удовлетворительной окажется эта инсценировка.

Театр Мейерхольда не получил еще от Е. Габриловича окончательного варианта инсценировки «Как закалялась сталь».

Нет пьес в Театре Красной армии, неизвестно, что будет играть Московский театр сатиры и т. д.

Комитет по делам искусств должен оказать свою помощь **всем** театрам.

Е. КОСТРОВА

Уполномоченный Главлита № В—29611.

Типография газ. «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.